

Дэшил Хэммет

БОЛЬШОЙ
НАЛЁТ

106 ТЫСЯЧ
ЗА ГОЛОВУ

ДЭШИЛ ХЕММЕТ

ДВЕ ПОВЕСТИ

Перевод с английского

Москва СП "Такт" 1990

Редактор	Киселев С.А.
Худ.редактор	Шикерина В.С.
Тех.редактор	Хотько С.М., Левикова О.Л.
Корректор	Блик Т.Л.
Художник	Хассель И.А.

П: "ДВЕ ПОВЕСТИ" Д.Хэммет. Повесть
М.: СП "Такт" 1990 г. -- с. 96.

В книге читатель найдет увлекательнейший детектив, написанный в типичном американском стиле известным автором детектива Д.Хэмметом и не потерявшим остроту сюжета до наших дней.

Мастерство и остроумие автора заставят Вас улыбнуться в самый захватывающий момент повествования.

без объявл. 90

© СП "ТАКТ" Подготовка текста, состав-
ление, подготовка оригинал-макета,
художественное оформление.

При содействии МКП "Колосс"

Оригинал - макет подготовлен с
помощью редакционно-издатель-
ской системы на базе IBM PC/AT

СП „Такт” 103045, Москва, ул. Хмелева, 23/15.

Подписано в печать 28.11.90	Н/К	Бумага типогр.	Высокая печать
Объем 6,0 п л	Форм. 60x84/16	Заказ тип. № 955	Цена 4 р. 20 к
Тираж 400000 экз			

Отпечатано с готового набора в типографии „Прейскурантиздат”
125438, Москва, Пакгаузное ш., 1

Б о л ь ш о й н а л е т

Пэдди Мексиканца я нашел в шалмане Лароя. Пэдди, симпатичный аферист, с виду - король Испании, оскалил в улыбке все свои крупные зубы, толкнул ко мне ногой стул и сказал сидевшей напротив девушке:

- Нелли, познакомься с самым благородным сычом в Сан-Франциско. Этот дядя сделает для тебя все на свете - лишь бы закатать на пожизненное. - И, повернувшись ко мне, показал на девушку сигарой: - Нелли Уэйд, и ей ты ничего не воткнешь. Ей работать ни к чему, у нее отец - бутлегер.

Нелли: тоненькая девушка в голубом; кожа белая, глаза продолговатые, зеленые; короткие каштановые волосы. Ее хмурое лицо ожило и похорошело, когда она протянула через стул руку, и мы оба посмеялись над Пэдди.

- Пять лет? - спросила она.

- Шесть, - поправил я.

- Черт, - сказал Пэдди, ухмыляясь и подзывая официанта.

- Когда же я обману хоть одного легавого?

До сих пор он обманывал всех - он ни разу не ночевал в тюрьме.

Я опять посмотрел на девушку. Шесть лет назад эта Анжела Грейс Кардиган раздела до нитки пятерых молодых людей в Филадельфии. Мы с Даном Мори поймали ее, но потерпевшие не захотели давать показания, и ее выпустили. Девчонке шел тогда двадцатый год, но она была уже ловкой мошенницей.

Посреди зала одна из артисток запела: "Скажи, чего ты хочешь, и я скажу, чего я дам". Пэдди долил джинку в стаканы с имбирным ситро, принесенные официантом. Мы выпили, и я дал Пэдди клочок бумаги, где были написаны фамилия и адрес.

- Горячка Мейкер просил передать, - объяснил я. - Вчера его видел на Фолсомской даче. А это будто бы его мать, просил тебя заглянуть к ней - не нужно ли ей чего. Как я понимаю, это значит, что ты должен ей его долю с последнего вашего дела.

- Ты меня обижаешь, - сказал Пэдди, пряча бумажку и снова извлекая из-под стола бутылку джина.

Я опрокинул второй и подобрал уже ноги, налаживаясь домой. В это время с улицы вошли четверо новых посетителей. Узнав одного, я остался сидеть. Он был высок, строен и наряжен во все, что полагается иметь на себе хорошо одетому человеку. Остроглазый, остролицый, с тонкими, как лезвие, губами и остроконечными усиками - Бритва Вэнс. Я удивился: что он делает в пяти тысячах километров от своих нью-йоркских охотничьих угодий? Пока я дивился, я повернулся к нему затылком, сделав вид, будто слушаю певицу, которая пела теперь посетителям: "Стать бы мне бродягой". За ней, в углу, я заметил другую знакомую личность из другого города - Фарта Джима Хакера, круглого и румяного детройтского бандита, дважды приговоренного к смерти и дважды помилованного.

Когда я принял снова нормальную позу, Бритва Вэнс и трое его товарищей уже расположились за два стола от нас. Он сидел ко мне спиной. Я оглядел его соседей.

Напротив Вэнса сидел молодой великан, рыжий, голубоглазый, румяный, с красивым - на свирепый и грубый манер - лицом. Слева помещалась смуглая девушка с бегающими глазами, в понурой шляпке. Она беседовала с Вэнсом. Внимание рыжего гиганта было приковано к четвертой персоне. Она того заслуживала.

Она не была ни высокой, ни низкой, ни худой, ни пухлой. На ней была черная косоворотка с зеленой вышивкой и серебряными штучками. На спинке ее стула висело черное манто. Лет около двадцати. Глаза у нее были синие, рот алый, зубы белые, локоны, видневшиеся из-под черно-зелено-серебряной шляпки, - темно каштановые; и был у нее носик. Словом, если не воспалиться из-за деталей, она была миленькая. Так я и сказал. Пэдди Мексиканец согласился: "Ничего"; а Анжела Грейс предложила мне подойти и сказать О'Лири, что она мне нравится.

- О'Лири - это большой? - спросил я, сползая на стуле так, чтобы протянуть ногу между Пэдди и Анжелой. - А кто его красивая подруга?

- Нэнси Риган, а та - Сильвия Янт.

- А принц, спиной к нам?

Под столом ботинок Пэдди вместо ее ноги ударил по моей.

- Не пинай меня Пэдди, - взмолился я - Больше не буду. Впрочем, хватит мне сидеть здесь, зарабатывать синяки. Домой пора

Я попрощался и пошел к двери, держась к Бритве Вэнсу спиной. В дверь мне пришлось уступить место двум

новым гостям. Оба меня знали, но оба прошли индифферентно - Еврей Холмс (другой, не тот ветеран, который устроил налет в Мус-Джоу в веселые старые дни) и Дени Берк, Король Лягушачьего острова в Балтиморе. Славная парочка - обоим в голову не придет отнять чужую жизнь без гарантированной выручки и политического прикрытия.

Я направился к Керни-стрит, думая на ходу о том, что сегодня вечером притон Лароя полон воров и почему так много среди них выдающихся гастрологов. Тень в подъезде нарушила мою умственную работу. Тень сказала:

- Тсс!

Я остановился и стал разглядывать тень, пока не признал в ней Бино, кокаиниста-газетчика, который, случалось, подкармливал меня сведениями - когда верными, когда нет.

- Спать хочу, - проворчал я, размещаясь в подъезде рядом с Бино и кипой его газет, - а байку про заикомормона я слышал, так что, если ты насчет этого, скажи сразу, и я пошел.

- Не знаю я ни про каких мормонов, - возразил он.

- Но кое-что я знаю.

- Ну?

- "Ну" - это легче всего сказать, а я хочу знать, что я с этого имею.

- Найди подъезд почище и вздремни, - посоветовал я.

- Ты поправишься, когда проспишься.

- Нет! Послушайте, я правда знаю. Честно!

- Ну?

- Слушайте! - Он придвинулся, зашептал: - Готовится дело в Национальном банке Симена. Какое дело, не знаю, но это точно. Это не брехня. Честно! Назвать никого не могу. Вы же знаете, я сказал бы, если знал. Честно. Дайте десятку. Ведь за такое не дорого. Сведения верные - честно.

- Верные - из понюшки.

- Не, не, не! Честно, я...

- Так какое будет дело?

- Я не знаю. Я слышал только, что Симена возьмут Че...

- Где слышал?

Бино затряс головой. Я сунул ему в руку серебряный доллар.

- Понюхай еще и придумай остальное, - сказал я ему. - Получится интересно - добавлю до десятки.

Я шел к углу, ломая голову над рассказом Бино. Сам по себе он смахивал на то, чем, возможно, и был - басней, придуманной, чтобы выманить доллар у доверчивого легаша. Но он существовал не сам по себе. Притон Лароя - а в городе он был не один такой - ломился от публики, опасной для жизни и имущества. Тут стоило пораскинуть мозгами - тем более что компания, застраховавшая национальный банк Симена, была клиентом сысского агентства "Континентал".

За углом, пройдя десяток шагов по Керни-стрит, я остановился.

На улице, где я только что был, грохнуло два раза - выстрелы крупнокалиберного пистолета. Я повернул обратно. За углом я увидел на тротуаре кучку людей. Молодой армянин, пижонского вида малый лет девятнадцати-двадцати, прошел навстречу - лениво, руки в карманах, насвистывая: "У Сю разбито сердце".

Я присоединился к кучке - превратившейся уже в толпу - вокруг Бино. Бино был мертв - кровь из двух дыр в груди пачкала смявшиеся под ним газеты.

Я вернулся к Ларою и заглянул туда. Рыжего О'Лири, Бритвы Вэнса, Нэнси Риган, Сильвии Янт, Пэдди Мексиканца, Анжелы Грейс, Денни Берка, Еврея Холмса, Фарта Джима Хакера - никого из них не было.

Возвратившись к Бино, я постоял там, прислонясь к стене, и посмотрел, как приехала полиция, поспрашивала зевак, ничего не выяснила, свидетелей не нашла и отбыла, захватив с собой то, что осталось от газетчика

Я пошел домой спать.

Утром я просидел час в архиве агентства, копаясь в папках и нашей картинной галерее. На Рыжего О'Лири, Дени Берка, Нэнси Риган и Сильвию Янт у нас ничего не было; насчет Пэдди Мексиканца - только догадки. Не было заведено дел и на Анжелу Грейс, Бритву Вэнса, Еврея Холмса и Джима Хакера, но их фотографии имелись. В десять - час открытия банка - я отправился в Национальный банк Симена, имея при себе эти снимки и рассказ Бино.

Сан-францисское отделение сысского агентства "Континентал" помещается в конторском здании на Маркет-стрит. Национальный банк Симена занимает нижний этаж высокого серого дома на Монтгомери-стрит, в финансовом центре города. В другое время - поскольку даже семь кварталов пройти без нужды считаю излишним - я сел бы

на трамвай. Но на Монтгомери-стрит была какая-то пробка, и я отправился пешком, по Гранд-авеню.

Через несколько кварталов я ощутил, что в районе, куда я иду, не все ладно. Во-первых, звуки: шум, треск и как будто взрывы. У Сатер-стрит мне встретился человек, который держался обеими руками за лицо, со стоном пытаясь вправить вывихнутую челюсть. Щека у него была ободрана в кровь.

Я свернул на Сатер-стрит. Затор - до самой Монтгомери. Всюду бежали взволнованные люди без шляп. Взрывы слышались ближе. Машина, набитая полицейскими, обогнала меня на предельной скорости, какая была сейчас доступна. Проехала "Скорая помощь", звеня колоколом, забирая по тротуару там, где движение было гуще. Керни-стрит я пересек рысью. По другой стороне бежали двое патрульных. У одного в руке пистолет. Выстрелы впереди слились в барабанную дробь.

Свернув на Монтгомери, я увидел впереди несколько зевак. Мостовая была запружена грузовиками, такси, открытыми машинами - брошенными. Следующий квартал, от Буш до Пайн-стрит, был - пекло в праздник.

Праздничное настроение было выше всего в середине квартала, где стояли через улицу Национальный банк Симе-на и трест-компания "Золотые ворота".

В следующие шесть часов у меня было больше дел, чем у блохи на пуделе.

К концу дня я прервал охоту и пошел в агентство потолковать со Стариком. Он уютно сидел в кресле, смотрел в окно и постукивал по столу своим неизменным желтым карандашом.

Этот высокий дородный человек на восьмом десятке, с белыми усами, младенчески-розовым лицом, кроткими голубыми глазами, в очках без оправы - начальник мой, и душевности в нем - как в веревке палача. Пятьдесят лет сыска в "Континентале" высосали из него все, кроме мозгов и этой улыбочкой вежливой кожурой, всегда одинаковой, плохо ли идут дела, хорошо ли - и одинаково ничего не значащей в обоих случаях. Мы, подчиненные, гордились его хладнокровием. Мы хвастались, что он может плевать сосульками в июле, и между собой звали его Понтием Пилатом - за вежливую улыбку, с которой он посылал нас на убийственные задания.

Когда я вошел, он отвернулся от окна, кивнул мне на кресло и разгладил карандашом усы. Вчерашние газеты на его столе на все голоса заливались об ограблении Национального банка и компании "Золотые ворота".

- Какова обстановка? - спросил он, как спрашивают о погоде

- Обстановка - люкс, - сказал я. - Полтораستا воров вышли на операцию - если таковая была. Сотню я видел сам - если это не сон, и многих не видел - рассаженных там, откуда можно выскочить и укусить, когда понадобятся свежие зубы. И они кусали. Они устроили полицейским засаду и дали им прикурить - не один раз. На банки напали ровно в десять, захватили весь квартал, благоразумных выгнали, остальных уложили. Сама выемка - пара пустяков для банды такого размера. По двадцать - тридцать человек на банк, пока остальные держали улицу. Всех дел - завернуть добычу да отвезти домой.

Сейчас там идет собрание разъяренных бизнесменов: акционеры встали на дыбы и требуют голову начальника полиции. Полиция чудес не творила, это факт, но ни одна полиция не справится с работой таких масштабов - как бы хорошо она о себе ни думала. Все длилось меньше двадцати минут. Полтораستا, скажем, бандитов, вооруженных до зубов, и каждый их шаг расписан до сантиметра. Где вы возьмете столько полицейских, как оцените обстановку, спланируете бой и развернете его в такое короткое время? Легко сказать, что полиция должна заглядывать вперед, быть готовой к любой неожиданности, - но те же умники, которые кричат сейчас "Подлость!", первыми заверещат "Грабеж!", если к их налогам накинута цент-другой на покупку лишних полисменов и снаряжения.

Тем не менее полиция осрамилась, это ясно, - и не один мясистый загривок ляжет под топор. Броневики ничего не дали, игра гранатами закончилась один-один, поскольку бандиты тоже умели в нее играть. Но главным позором были полицейские пулеметы. Банкиры и маклеры говорят, что было вредительство. Нарочно их испортили или просто хранили небрежно - бог их знает, но работала только одна из этих спринцовок и то неважно.

Отвал был по Монтгомери и Колумбус-стрит. На Колумбус приехала растаяла - по несколько машин в переулок. Между Вашингтон и Джексон-стрит полицейские попали в засаду, и пока они пробивались, машины с бандитами успели рассеяться по всему городу. Многие из них уже найдены - пустыми.

Полного отчета еще нет, но пока что картина складывается такая. Сорвано бог знает сколько миллионов - без сомнения, самая большая добыча, захваченная гражданским оружием. Шестнадцать полицейских убито и втрое больше ранено. Двадцать посторонних зрителей, банковских служащих и так далее погибли и примерно стольким же сильно досталось. Тяжело ранены два бандита и пять неизвестных - возможно воры, возможно зрители, подошедшие слишком близко. Налетчики потеряли семь человек убитыми и тридцать один задержан - большей частью подранки.

Среди убитых - Пузырь Кларк. Помните его? Это он три или четыре года назад сбежал, отстреливаясь, из зала суда в Де-Мойне. Так вот, в кармане у него мы нашли листок: карту Монтгомери-стрит от Пайн до Буш - место ограбления. На обороте карты напечатаны точные предписания, что ему делать и когда. Крестиком на карте показано место, где он должен поставить машину, на которой приедет со своими семью людьми; кружком - где он должен с ними стоять, следя за ходом событий в общем и за окнами и крышами на другой стороне - в частности. Цифрами 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 на карте обозначены подъезды, лестницы, ниши, которые должны служить укрытием, если придется вести перестрелку с этими окнами и крышами. Кларк не должен обращать внимание на Буш-стрит, но если полиция нападает со стороны Пайн-стрит, он бросает своих людей туда и расставляет их в точках a, b, c, d, e, f, g, h (его тело найдено в точке a). В течение налета, каждые пять минут, он посылает человека к машине, которая стоит на месте, отмеченном звездочкой, - за новыми распоряжениями, если таковые будут. Он должен сказать своим людям, что, если его подстрелят, один из них докладывает об этом штабной машине и к ним направляют нового начальника. Когда дадут сигнал уходить, он должен послать одного человека за машиной, на которой они прибыли. Если машина исправна, он едет к ним, не обгоняя впереди идущей. Если она не заводится, человек идет к штабной за указаниями, где достать новую. Тут они, видимо, рассчитывали на чужие машины, оставленные на улице. Дождаясь транспорта, Кларк со своими людьми, поливает свинцом каждую цель в его секторе, и ни один из них не лезет в машину, пока она с ними не поравняется. Затем они едут по Монтгомери, по Колумбус и - испаряются.

- Понятно? - спросил я. - Полтораستا налетчиков разбиты на отряды - с командирами, картами, схемами, где показано, что делать каждому: за каким пожарным краном присесть, на какой кирпич поставить ногу, куда плюнуть - все, кроме фамилии и адреса полицейского, которого надо свалить. Невелика беда, что Бимо не рассказал мне подробностей - я все равно бы счел их бредом наркомана.

- Очень интересно, - произнес Старик с вежливой улыбкой.

- Других расписаний, кроме Кларкова, мы не нашли. Я видел несколько друзей среди убитых и пойманных, и полиция еще пытается опознать остальных. Часть из них - местные дарования, но больше, кажется, привозного товара. Дейтройт, Чи, Нью-Йорк, Сент-Луис, Денвер, Портленд, Л.А., Филадельфия, Балтимор - все прислали делегатов. Как только полиция покончит с опознанием, я составлю список.

Из тех, кого не поймали, самая важная птица, по моему, - Вэнс. Он был в машине, которая командовала налетом. Кто еще там сидел - не знаю. На празднествах присутствовал Дрожащий Мальчик и, кажется, Азбука Маккой, хотя его я толком не разглядел. Сержант Бендер сказал мне, что видел Цыпу Сальду и Котелка Макклоклина, а Морган заметил Такого - Сякого. Это хороший поперечный разрез компании - арапы, стопщики, мокрушники со всей страны.

Дворец юстиции сегодня больше похож на бойню. Никого из гостей полиция не убила, на сколько я знаю, но кожа на них будет отваливаться. Журналистам, которые любят порываться о том, что у них называется третьей степенью (то есть допрос с пристрастием), стоило бы туда заглянуть. После хорошей бани кое-кто из гостей заговорил. Но в том-то и чертовщина, что всего они не знают. Они знают некоторые имена: Денни Берк, Фрей Тоби, Старик Пит Бест, Пузырь Кларк и Пэдди Мексиканец названы - но все лошадиные силы полиции не выбьют из них больше ничего.

Дело, по-видимому, было организовано так: Денни Берк, к примеру, широко известен как военный артист в Балтиморе. Теперь этот Денни беседует с восьмью или десятью подходящими ребятами - по очереди. "Как ты смотришь на то, чтобы подзаработать на Западном побережье?" - спрашивает он. "А делать что?" - интересуется кандидат. "Делать что тебе скажут, - отвечает ему Король Лягушачьего острова. - Ты меня знаешь. Я тебе

говорю: дело жирное, дело верное, раз - и ваших нет. Все, кто пойдет, вернутся богатыми - и вернутся все, если не будут мух считать. Больше я ничего не говорю, а не подходит - разговора у нас не было".

Все эти субчики знают Денни, и если он сказал, что дело верное, им этого довольно. Они соглашаются. Он им ничего не объясняет. Он велит им взять пистолеты, каждому выдает двадцать долларов и билет до Сан-Франциско и договаривается о месте встречи. Вчера вечером он их собрал и сказал, что налет будет утром. Они уже поболтались по городу и знают, что тут полно гастролеров, среди прочих - такие молодцы, как Цыпа Сальда, Бритва Вэнс и Дрожащий Мальчик. И утром во главе с Королем Лягушачьего острова отправляются на дело.

Остальные расколовшиеся изобразили примерно такую же картину. Несмотря на тесноту в тюрьме, полиция нашла свободные места и запустила наседок. Бандиты в большинстве друг с другом не знакомы, работать наседкам было легко, но единственное, что они сообщили нового, - арестованные сегодня ночью ожидают оптового освобождения. По-видимому, думают, что банда нападет на тюрьму и выпустит их. Скорее всего, это сказки, но так или иначе, полиция теперь приготовилась.

Таково положение на этот час. Полиция прочесывает улицы и забирает всех небритых и всех, у кого нет справки от приходского священника о посещении церкви, - с особым вниманием к отбывающим поездкам, парходам и автомобилям. Я послал Джека Конихана и Дика Фоули на Северный берег - поболтаться по кабакам, послушать, о чем там говорят.

- Как вы полагаете, задумал операцию и руководил ею Бритва Вэнс? - спросил Старик.

- Надеюсь... мы его знаем.

Старик повернулся в кресле, посмотрел кроткими глазами в окно и задумчиво постучал по столу карандашом.

- Боюсь, что нет, - возразил он, как бы извиняясь. - Вэнс - хитрый, находчивый и решительный преступник, но у него есть слабость, общая для людей этого типа. Его стихия - непосредственное действие... не планирование. Он провел несколько крупных налетов, но мне всегда мерещился за ними еще чей-то ум.

Я не смог с ним препираться. Если Старик говорил, что дело обстоит так, то так оно скорее всего и обстояло; он был из тех осмотрительных, которые увидят ливень за

окном и скажут: "Кажется, дождик пошел", чтобы не ошибиться: а вдруг кто-то льет воду с крыши.

- И кто же этот архивор? - спросил я.

- Вероятно, вы это узнаете раньше меня, - сказал он с милостивой улыбкой.

Я вернулся в суд и помогал варить арестованных в масле часов до восьми - когда голод напомнил мне, что я не ел с утра. Я исправил эту оплошность, а потом отправился к Ларою - не спеша, чтобы ходьба не мешала пищеварению. У Лароя я провел три четверти часа и никого особенно интересного не увидел. Кое-кто из посетителей был мне знаком, но они не выразили желания общаться - в преступном мире точить лясы с сыщиком сразу после дела не полезно для здоровья.

Ничего тут не добившись, я перешел к Итальянцу Хили - в соседний притон. Приняли меня так же - дали столик и оставили одного. Оркестр у Хили играл "Не обманывай", и те, кому хотелось размяться, упражнялись на площадке. Среди танцоров я увидел Джека Конихана, руки его были заняты крупной смуглой девицей с приятным, глупым, грубо вылепленным лицом.

Джек, высокий стройный парень двадцати трех или двадцати четырех лет, прибил к нашему агентству месяц назад. Эта служба была у него первой, да и ее бы не было, но отец Джека решил, что если сынок хочет погреть руки в семейной кассе, то должен расстаться с мыслью, будто, продравшись через университет, он натрудил уже на всю жизнь. И Джек поступил в "Континентал". Он решил, что сыск - забавное дело. Правда, он скорее схватил бы не того человека, чем надел не тот галстук, но, в общем, обнаружил неплохие задатки ищейки. Симпатичный малый, вполне мускулистый, несмотря на худобу, с приглаженными волосами, лицом джентльмена и повадками джентльмена, смелый, скорый на руку и с быстрым умом, бесшабашно веселый - впрочем, это по причине молодости. Конечно, в голове у него гулял ветер, и его надо было окорачивать, но в работе я предпочел бы его многим нашим ветеранам.

Прошло полчаса, ничего интересного.

Потом с улицы вошел парень - невысокий, развязный, в очень отутюженных брюках, очень начищенных ботинках, с наглым землисто-смуглым лицом характерного склада. Это он попался мне навстречу на Бродвее после того, как пришли Бино.

Откинувшись на стуле, чтобы широкополая дамская шляпа заслонила от него мое лицо, я увидел, как молодой армянин прошел между столиков в дальний угол, где сидели трое мужчин. Он что-то небрежно сказал им - с десяток слов, наверное, - и перешел к другому столику, где сидел в одиночестве курносый брюнет. Он уселся напротив курносого, бросил ему несколько слов, с ухмылкой ответил на его вопросы и заказал выпивку. Опорожнив стакан, прошел через весь зал - сообщить что-то художнику с ястребиным лицом - и удалился из ресторана. Я вышел следом, миновав столик, где сидел со своей девушкой Джек, и переглянулся с ним. Молодой армянин отошел уже на полквартила. Джек нагнал меня, обогнал. С сигаретой в зубах я его окликнул: "Огоньку не найдется?"

Я взял у него коробок и, прикуривая, шепнул между ладоней:

- Вон пижон идет - на хвост ему. Я за тобой. Я его не знаю, но если он вчера убил Бино за разговор со мной, он меня узнает. Ходу!

Джек сунул спички в карман и пошел за парнем. Я выждал и отправился за ним. А потом случилась интересная вещь.

На улице было много народу, в большинстве мужчины - кто гулял, кто околачивался перед кафе с прохладительными напитками. Когда молодой армянин подошел к углу освещенного переулка, оттуда появились двое и заговорили с ним, встав так, что он оказался между ними. Он, видимо, не хотел их слушать и пошел бы дальше, но один перегородил ему путь рукой. А другой вынул из кармана правую руку и махнул перед лицом армянина - на ней блеснул никелированный кастет. Парень нырнул под вооруженную руку и под руку-шлагбаум и пересек переулок, даже не оглянувшись на двоих, хотя они его нагоняли.

Перед тем как они его нагнали, их самих нагнал еще один человек, которого я раньше не видел, - с широкой спиной и длинными руками, похожий на гориллу. Одной рукой он схватил за шею одного, другой - другого. Он отдернул их от парня, встряхнул так, что с них слетели шляпы, и стукнул головами - раздался треск, как будто сломалась палка от метлы, и он уволок обмякшие тела в переулок, с глаз долой. Армянин тем временем бодро шагал дальше и ни разу не оглянулся.

Когда головолом вышел из переулочка, я увидел под фонарем его лицо - смуглое, с глубокими складками,

широкое и плоское; желваки на челюстях торчали так, как будто у него под ушами нарывало. Он плюнул, подпернул штаны и двинулся по улице за парнем.

Тот зашел к Ларою. Головолом за ним следом. Парень вышел - за ним шагах в семи следовал головолом. Джек проводил их в кабак, а я ждал на улице.

- Все еще передает донесения? - спросил я.

- Да. Говорил там с пятью людьми. А ничего у него охрана, а?

- Ага, - согласился я. - И ты уж постарайся не попасть между ними. Если разделятся, я за гориллой, ты - за пижоном.

Мы разошлись и продолжали двигаться за клиентами. Они провели нас по всем заведениям Сан-Франциско - по кабаре, закусочным, бильярдным, пивным, ночлежкам, игорным домам и бог знает чему еще. И всюду парень находил, кому бросить десяток слов, а между визитами умудрялся сделать это на перекрестках.

Я бы с удовольствием проследил кое за кем из его абонентов, но не хотел оставлять Джека одного с парнем и телохранителем: тут пахло чем-то важным. И Джека не мог пустить за кем-либо другим - мне не стоило наступать молодому армянину на пятки. И мы доигрывали игру так, как начали - следуя за нашей парочкой от притона к притону, а ночь между тем перевалила через середину.

Было начало первого, когда они вышли из маленькой гостиницы на Керни-стрит, и впервые на наших глазах они пошли вместе, бок о бок, к Грин-стрит, а там свернули на восток, по склону Телеграфного холма. Еще полквартала - и они поднялись по ступенькам ветхих мебелирашек, скрылись за дверью. Я подошел к Джеку Конихану, стоявшему на углу.

Поздравления разнесены, решил я, иначе он не подозревал бы телохранителя. Если полчаса там не будет никакого движения, я сматываюсь. А тебе предстоит потоптаться до утра.

Через двадцать минут человек-горилла вышел из дома и двинулся по улице.

- Это мой, - сказал я. Ты жди своего.

Человек-горилла сделал шагов двадцать и остановился. Он оглянулся на дом, поднял лицо к верхним этажам. Тогда мы с Джеком услышали, что его остановило. В доме наверху кричал человек. Так тихо, что криком не назовешь. Даже теперь, когда голос стал громче, мы его едва слышали. Но в нем - в этом вое - будто слился страх всех,

кто боится смерти. Я услышал, как лязгнул зубами Джек. То, что осталось у меня от души, давно покрыто мозолями, но и я почувствовал, что на лбу у меня дернулась кожа. Уже больно тих был этот крик для того, что в нем выражалось.

Гориллообразный тронулся с места. В пять скользких скачков он вернулся к крыльцу. Шесть или семь первых ступенек он одолел, даже не прикоснувшись к ним ногой. Он взлетел с тротуара в вестибюль одним прыжком - быстрее, легче, бесшумнее любой обезьяны. Минута, две минуты, три минуты - и крик смолк. Еще три минуты - и человек-горилла опять вышел из дома. Он остановился на тротуаре, чтобы сплунуть и опять поддернуть штаны. И зашагал по улице.

- Джек, это твоя дичь, - сказал я. - А я загляну к парню. Теперь он меня не узнает.

Парадная дверь была не только не заперта, но и распахнута. Я вошел в вестибюль, где при свете с верхнего этажа виднелся марш лестницы. Я поднялся туда и повернул к фасадной стороне. Кричали с фасада - либо на этом этаже, либо на третьем. По всей вероятности, гориллообразный не запер комнату - если и парадную-то дверь закрывать поленился.

На втором этаже я ничего не нашел, зато на третьем уже третья дверная ручка подалась под моей осторожной рукой, и я приоткрыл дверь. Я постоял перед щелью, но не услышал ничего, кроме заливистого храпа, где-то дальше по коридору. Я тронул дверь и приотворил еще на четверть метра. Ни звука. Комната была беспросветна, как будущее честного политика. Я провел ладонью по косяку, по обоям, нащупал выключатель, нажал. Две лампочки посередине пролили слабый желтый свет на обшарпанную комнату и на молодого армянина - мертвого на кровати.

Я шагнул в комнату, закрыл дверь и пошел к кровати. Глаза у парня были открыты и выпучены. На одном виске кровоподтек. Горло взрезано чуть ли не до уха. Около разреза, там, где тонкая шея не была залита кровью, я заметил синяки. Телохранитель свалил его ударом в висок и душил, пока счел, что дело сделано. Но парень очухался - настолько, чтобы закричать, но не настолько, чтобы удержаться от крика. Телохранитель вернулся и прикончил его ножом. Там, где он вытирал нож о простыню, остались три красные полосы.

Карманы у парня были вывернуты. Это убийца их вывернул. Я обыскал труп, но, как и ожидал, безуспешно, человек-горилла забрал все. Осмотр комнаты тоже оказался

напрасным - кое-что из одежды, но ни одного предмета, за который можно было бы уцепиться.

Я закончил обыск и стоял посреди комнаты, почесывая подбородок и размышляя. В коридоре скрипнула половица. Три бесшумных шага назад на каучуковых подошвах - и я очутился в затхлом чулане, прикрыл за собой дверь, оставив щель с палец.

В дверь постучали, я вынул из заднего кармана револьвер. Снова постучали, и женский голос сказал: "Малыш, а малыш?" И стучали и говорили тихо. Ручка повернулась, щелкнул замок. В двери стояла девушка с бегающими глазами, которую Анжела Грейс назвала Сильвией Янт.

Глаза ее остановились на парне и от удивления перестали бегать.

- Что за черт?, - прошептала она и скрылась.

Я уже шагнул из чулана в комнату, как вдруг услышал, что она на цыпочках возвращается. Снова отступив, я стал следить за ней через щелку. Она быстро вошла, беззвучно закрыла дверь и наклонилась над мертвым. Обшарила его, проверила все карманы, которые я успел заправить.

- Тьфу ты! - громко сказала она, закончив бездоходный обыск и удалилась.

Я выждал, пока она спустится на улицу. Когда я вышел из подъезда, она направлялась к Керни-стрит. Я проследовал за ней по Керни до Бродвея, по Бродвею до ресторана Лароя. Там было оживленно, в особенности у дверей: посетители входили и выходили. Я стоял от нее в трех шагах, когда она остановила официанта и спросила шепотом, но взволнованно, так что мне удалось расслышать: "Рыжий здесь?"

Официант помотал головой:

- Сегодня не заходил.

Девушка вышла на улицу и, стуча каблуками, быстро привела к гостинице меня на Стоктон-стрит.

Сквозь стекло я увидел, как она подошла к столу портье и о чем-то спросила. Портье покачал головой. Девушка сказала что-то еще, он дал ей бумагу и конверт, и она наспех написала записку возле кассового аппарата. Перед тем как занять менее заметную позицию в ожидании ее выхода, я заметил, в какое гнездо положили записку.

Из гостиницы она поехала на трамвае по Маркет- и Пауэлл-стрит, потом дошла до О'Фарелл-стрит, где толстолицый молодой человек в серой шляпе, стоящий на

краю тротуара, взял ее под руку и повел к стоянке такси. Я запомнил номер такси толстолицый больше смахивал на клиента, чем на приятеля

Было уже почти два часа ночи, когда я вернулся в нашу контору на Маркет-стрит. Фиск, ночной дежурный, сказал, что от Джека Конихана донесений не поступало, новостей никаких. Я попросил разбудить мне кого-нибудь из агентов, и минут через десять ему удалось вытащить из постели к телефону Мики Линехана.

- Слушай, Мики, - сказал я. - Я нашел тебе прекрасный уголок - постоять до утра. Так что надевай свою распашонку и туда, ладно?

Дождавшись перерыва в его воркотне и ругани, я дал ему адрес гостиницы на Стоктон-стрит, описал Рыжего О'Лири и сказал, в какое гнездо положили записку.

- Может быть, О'Лири и не там остановился, но проверить стоит - объяснил я. - Если он появится, постарайся его не потерять, пока не пришлю тебе замену. - Я повесил трубку посреди непристойной тирады, которой он ответил на это оскорбление.

Дворец юстиции, когда я прибыл туда, кишел народом, хотя взломать тюрьму на верхнем этаже пока никто не пытался. То и дело поступали новые партии подозрительных. Полицейские в форме и в штатском сновали повсюду. Бюро уголовного розыска превратилось в улей.

Я обменялся новостями с полицейскими сыщиками, рассказал им об армянине Собрали компанию, чтобы осмотреть его останки, но в это время распахнулась дверь капитана, и перед собранием появился лейтенант Дафф.

- Алле! Оп! - произнес он, показывая толстым пальцем на О'Гара, Талли, Ричера, Ханта и меня. - Есть что посмотреть на Филмор-стрит.

Мы пошли за ним к машине.

Привезли нас к серому каркасному дому на Филмор-стрит. Перед нами стоял полицейский фургон, снаружи и внутри толпились полицейские.

Рыжеусый капрал отдал Даффу честь и повел нас в дом, объясняя на ходу:

- Тревогу подняли соседи: позвонили нам, что тут какая-то драка, но когда мы приехали, драться уже было некому.

В доме осталось только четырнадцать трупов.

Одиннадцать человек отравлено: в виски подмешали большие дозы снотворного, сказал врач. Трех застрелили в разных местах коридора. Судя по положению тел, они подняли тост - с ядом, а тех, кто не выпил - то ли непьющих, то ли просто осторожных, - перестреляли, когда они попытались бежать.

Характер публики давал представление о характере их тоста. Все были воры и обмывали отравой удачный налет.

Мы знали не всех покойников, но некоторые были известны нам всем, а позже в архиве мы определили и остальных. Общий список читался как путеводитель по уголовному миру. Тут были: Такой-Сякой, всего два месяца назад сбежавший из тюрьмы в Левенуорте; Еврей Холмс; Шайти из Снохомиша - считалось, что он пал смертью храбрых во Франции в 1919 году; Щепка Лос-Анджелес из Денвера, как всегда без носков и без нижнего белья - в плечи его пиджака было вшито по тысячедолларовой бумажке; Паук Джируччи, у которого под рубашкой была надета кольчуга, и от макушки до подбородка тянулся шрам - памятка от братниного ножа; Старик Пит Бест, некогда член конгресса; Нигер Воджен, однажды в Чикаго выигравший 175 тысяч долларов, - в трех местах на нем было вытутаировано: "АБРАКАДАБРА"; Азбука Маккой; свояк Азбуки Том Брукс, придумавший ричмондовскую аферу и на доходы от нее купивший три гостиницы; Рыжий из Кьюдехи, в 1924 году ограбивший поезд на Юнион Пасифик; Денни Берк; Бык Макгоникл, все еще бледный после пятнадцатилетней отсидки; Фрей Тоби, дружок Быка, хваставший тем, что обчистил карманы президента Вильсона в вашингтонском варьете, и Пэдди Мексиканец.

Дафф посмотрел на них и свистнул.

- Еще несколько таких номеров, - сказал он, - и нас уволят. Не от кого будет охранять налогоплательщиков.

- Рад, что тебе здесь понравилось, - сказал я. - Но я лично ни за какие деньги не хотел бы стать на эти дни полицейским в Сан-Франциско.

- Почему, интересно?

- Ты посмотри, каков размах надувательства. Городишко наш полон лихих людей, которые надеются получить от этих вот жмуrows свою долю награбленного. Представляешь, что тут начнется, когда станет известно, что доли им не видать как своих ушей? Больше сотни бандитов окажутся на мели и станут добывать деньги на отъезд. Будет по три скока на квартал, по стопу на каждом перекрестке, покуда они не наберут деньги на билеты.

Храни тебя господь, сынок, тебе придется попотеть за свое жалование.

Дафф пожал толстыми плечами и, шагая через трупы, направился к телефону. Когда он кончил говорить, я позвонил в агентство.

- Только что звонил Джек Конихан, - сказал Фиск и назвал мне номер дома на Арми-стрит. - Говорит, что проводил своего человека туда - с компанией.

Я вызвал по телефону такси, а потом сказал Даффу:

- Я пока сматываюсь. Если возникнет кое-что новенькое, позвоню тебе сюда; если не возникнет - тоже Подождешь?

- Только недолго.

Я отпустил такси чуть раньше, два квартала по Арми-стрит прошел пешком и нашел Джека Конихана, наблюдавшего за домом из темного угла.

- Мне не повезло, - приветствовал он меня. - Пока я звонил из закуской по соседству, кое-кто из моих соседей смылся.

- Да? А что нового?

- Из дома на Грин-стрит горилла отправился на трамвае в дом на Филмор-стрит и...

- Какой номер?

Джек назвал номер дома с мертвецами, откуда я приехал.

- Потом, за десять или пятнадцать минут в этот дом пришло примерно столько же людей. Большинство пешком, по одному или парами.

Потом подъехали сразу две машины с девятью людьми - я пересчитал. Вошли, машины оставили перед домом. Мимо ехало такси я остановил его - на случай, если мой отправится отсюда на машине.

После того как приехали эти девять, с полчаса было тихо. А потом в доме все стали вести себя экспансивно - кричали, стреляли. И продолжалось это довольно долго успели разбудить всю округу. Когда стало тихо, из дома выбежали десять человек - я считал, - сели в две машины и уехали. Мой был среди них.

Мы с моим верным таксистом закричали "Ату", и они привезли нас вон к тому дому, где еще стоит одна машина. Через полчаса или около этого я решил, что надо доложиться, оставил такси за углом - оно там до сих пор шелкает счетчиком - и пошел звонить Фиску. А когда вернулся, одной машины уже не было, и - горе мне! - я не знаю, кто в ней уехал. Я подлец?

- Конечно! Когда пошел звонить, надо было захватить с собой их машины. Последи за оставшейся, пока я вызываю группу.

Я пошел в закусочную и позвонил к Даффу, сказал, где я, и:

- Если привезешь сюда наряд, может, что-нибудь добудем. Две машины с людьми, которые побывали на Филмор-стрит, но не остались там, приехали сюда, и если не канителиться, мы кое-кого еще можем застать.

Дафф привез четырех своих сыщиков и с десяток полицейских в форме. Мы двинулись на дом с фасада и с тыла. На звонки времени не тратили. Мы прсто высадили дверь и вошли. Внутри была тьма, разогнали ее только наши фонари. Мы не встретили сопротивления. В обычных обстоятельствах шесть человек, которых мы там застали, устроили бы нам хорошую баню, несмотря на наше численное превосходство. Но - если были бы поживее.

Мы переглянулись, чуть ли не разинув рты.

- Это становится монотонным, - пожаловался Дафф, откусив табак от плитки. - Всякий труд, конечно, однообразен, но мне надоело вламываться в комнаты с убитыми ворами

Здесь список постояльцев был короче, но имена крупнее. Здесь был Дрожащий Мальчик - никто уже не получит премий, назначенных за его поимку; Котелок Маклоклин - на носу перекошились роговые очки, на пальцах и в галстук - бриллиантов на десять тысяч долларов; Фарт Джим Хакер; Осел Марр, последний из кривоногих Марров, все были убийцами, отец и пятеро сыновей; Цыпа Сальда, самый сильный человек в уголовном мире - однажды в Саванне он сбежал с двумя полицейскими, к которым был прикован наручниками; Бухарь Смит, в шестнадцатом году убивший Чикаго Красного Рида, - на левом запястье у него были намотаны четки.

Здесь - никаких тонкостей с ядами: молодцов уложили из карабина 7,62 с громоздким, но эффективным самодельным глушителем. Карабин лежал на кухонном столе. Из кухни в гостиную вела дверь. Прямо против этой двери - широко распахнутая дверь в комнату, где лежали мертвые вору. Лежали они возле фасадной стены, как будто их выстроили там перед расстрелом.

Серые обои были обрызганы кровью и в нескольких местах пробиты - там где пули прошли навылет. Молодые глаза Джека Конихана приметили на обоях пятно, которое не было случайным. Над самым полом, рядом с Дрожащим

Мальчиком - а правая его рука была испачкана кровью. Он писал на стене перед смертью, макая пальцы в свою и Цыпы Сальды кровь. В буквах были просветы и разрывы - там, где на пальце кончилась кровь, а сами буквы кривились и прыгали, потому что писал он, наверное, в темноте.

Заполнив просветы, распутав выверты и угадывая там где прочесть было вообще нельзя, мы составили два слова Большая Флора.

- Мне это ничего не говорит, - высказался Дафф, - но это - имя, а большинство известных нам имен принадлежат покойникам, так что добавим и его в список.

- Как это понять? - глядя на тела, спросил О'Гар, круглоголовый сержант из отдела тяжких преступлений. - Приятели выстроили их у стены под дулами пистолетов, а потом стрелок перешел кал их с кухни - пах-пах-пах-пах-пах-пах?

- Похоже на то, - согласились мы хором.

- Десятеро прибыли сюда с Филмор-стрит, - сказал я. - Шестеро остались здесь. Четверо отправились в другой дом... И сейчас кто-то из них кого-то убивает. Нам нужно только следовать за трупами от дома к дому, покуда не останется только один... а он уж сам доиграет игру, прикончив себя своими руками, и добычу оставит нам в тех же пачках, в каких ее взяли. Надеюсь, вам не придется разъезжать всю ночь в поисках последнего трупа. Джек, пошли домой спать.

Было ровно пять часов утра, когда я отвернул пододвальный и забрался в постель. Я уснул раньше, чем выпустил дым последней затяжки. Телефон разбудил меня в четверть шестого. Говорил Фиск:

- Только что звонил Мики Линехан - полчаса назад твой Рыжий О'Лири вернулся на насест.

- Пускай его арестуют, - сказал я и снова уснул в 5.17.

В девять под звон будильника я выполз из постели, позавтракал и отправился в бюро уголовного розыска, узнать, что у них с Рыжим. Оказалось, ничего хорошего.

- Вывернулся, - сказал мне капитан. - Что касается налета и ночных дел - у него алиби. Не можем обвинить даже в бродяжничестве. Имеет заработок. Торгует Универсальным энциклопедическим словарем полезных и повседневных сведений Хампердикеля - так кажется. Начал таскаться с книжонками за день до налета - и во время налета звонил в двери и уговаривал людей купить свой ду-

рацкий словарь. По крайней мере, у него есть свидетели, которые это подтвердили. Ночью был в гостинице с одиннадцати до четырех тридцати, играл в карты, имеет свидетелей. Ни черта не нашли ни на нем, ни в его номере.

Тут же, из кабинета, позвонил Джеку Конихану.

- Ты смог бы опознать кого-нибудь из тех, кого видел ночью в машинах? - спросил я, когда он вылез наконец из постели.

- Нет. Было темно, и шли они быстро. Свою-то гориллу едва разглядел.

- Не узнает, да? - сказал капитан. - Ну что ж, я могу продержать его 24 часа, не предъявляя обвинения, и сделаю это, но если ты ничего не отроешь, придется отпустить.

- А что, если отпустить сейчас? - предложил я, покурив минуту и подумав. - У него кругом алиби, и прятаться от нас незачем. Оставим его на день в покое - пусть убедится, что за ним не следят, - а вечером сядем ему на хвост и не слезем. Есть что-нибудь по Большой Флоре?

- Нет. Парень, убитый на Грин-стрит, - Берни Бернхаймер, он же Маца, вероятно, карманный вор, крутился среди ширмачей, но не очень...

Его прервал телефонный звонок. Он сказал в трубку:

- Алло. Да. Одну минуту, - и придвинул аппарат ко мне.

Женский голос:

- Это Грейс Кардиган. Я звонила к вам в агентство, и мне сказали, где вас найти. Мне надо с вами увидеться. Можно прямо сейчас?

- Где?

- Телефонная станция на Пауэлл-стрит.

- Буду через пятнадцать минут, - сказал я.

Позвонив в агентство, я вызвал к телефону Дика Фоули и попросил его сейчас же встретиться со мной на углу Эллис и Маркет-стрит. Затем я отдал капитану его телефон, сказал: "До скорого" - и отправился на свидание.

Дик Фоули уже ждал меня на углу. Этот маленький смуглый канадец, ростом под полтора метра - на высоких каблуках, - весил минус сорок килограммов, разговаривал, как телеграмма скупца, и мог проследить за каплей соленой воды от Сан-Франциско до Гонконга, ни разу не выпустив ее из виду.

- Анжелу Грейс Кардиган знаешь? - спросил я его.

Он сэкономил слово, помотав головой.

- Я встречаюсь с ней на переговорном пункте. Когда мы расстанемся, иди за ней. Не думай, что тебя ждет легкая

прогулка: девушка шустрая и знает, что за ней будет хвост, но ты постарайся.

Дик опустил углы рта, и у него сделался один из редких припадков разговорчивости:

- Чем они шустрее на вид, тем с ними проще.

Я направился к переговорному, он - за мной следом. Анжела Грейс стояла в дверях. С таким мрачным лицом я ее никогда не видел, и поэтому она показалась мне менее хорошенькой, чем обычно; в зеленых глазах, правда, было слишком много огня, чтобы говорить о мрачности. Она держала свернутую трубкой газету. Она не поздоровалась со мной, не улыбнулась, не кивнула.

- Пойдем к Чарли, там можно поговорить, - сказал я, проводя ее мимо Дика Фоули.

Она не проронила ни звука, пока мы не уселись друг против друга в кабинете ресторана и официант не принял заказ. Тогда она дрожащими руками развернула на столе газету. - Это правда? - спросила она.

Я взглянул на то место, по которому постукивал ее дрожащий палец, - репортаж о находках на Филмор и Арми-стрит, но осторожный. Я сразу заметил, что имена не названы, полиция подстригла заметку. Сделав вид, будто читаю, я прикинул, выгодно ли будет сказать ей, что газета все выдумала. Но никакой отчетливой пользы в этом не увидел и решил не отягощать душу лишней ложью

- В целом все верно, - ответил я.

- Вы туда ездили? - она скинула газету на пол и подалась ко мне.

- С полицией.

- Был там... - Слова застряли у нее в горле. Белые пальцы скомкали скатерть посередине между нами - Кто был?... - удалось ей выдать на этот раз.

Молчание. Я ждал. Она опустила глаза, но раньше я успел заметить, что вода притушила в них огонь. Пока мы молчали, явился официант, поставил еду, ушел.

- Вы знаете, что я хотела спросить, - наконец сказала она тихим, севшим голосом. - Он был? Он был? Скажите ради бога!

Я взвесил их - правду против лжи, ложь против правды. И снова правда восторжествовала.

- Пэдди Мексиканца убили - застрелили - в доме на Филмор-стрит.

Зрачки у нее стали как булавочные головки... снова расширились, превратив глаза из зеленых в черные. Она не проронила ни звука. Лицо ее ничего не выражало. Она

взяла вилку, поднесла ко рту салат... и еще раз. Я протянул руку через стол и отобрал у нее вилку.

- Все ведь на платье падает, - проворчал я. - Рта не откроешь, - ничего не съешь.

Она потянулась через стол к моей руке, схватила ее дрожащими руками - пальцы подергивались так, что она меня поцарапала.

- Вы мне не врете? - не то всхлипнула, не то выпалила она. - Вы всегда честно себя вели. В Филадельфии вы были человеком. Пэдди всегда говорил, что из легавых вы один порядочный. Вы не обманываете?

- Все честно, - подтвердил я. - Пэдди для тебя много значил?

Она тупо кивнула, стараясь справиться с собой, и опять будто оцепенела.

- Есть возможность рассчитаться за него, - предложил я.

- Это как?..

- Говорить.

Она долго смотрела на меня непонимающим взглядом, будто пытаясь ухватить смысл моих слов. Ответ я прочел в ее глазах раньше, чем услышал.

- Господи, да я сама хочу. Но я дочь Коробки Кардигана. Мне - стучать? Вы против нас. К вам идти? Пошла бы. Но я же Кардиган. Молиться буду, чтобы вы их повязали. Крепко повязали, но...

- Твои чувства благородны, по крайней мере слова. - Я усмехнулся. - Ты кого изображаешь - Жанну д'Арк? А сидел бы сейчас твой брат Фрэнк, если бы его не заложил в Грейт-Фолс его дружок Джон Водопроводчик? Проснись, моя милая. Ты воровка среди воров, и кто других не надул, тот сам с бородой. Твоего Пэдди кто убил? Дружки! Но ты не можешь им ответить - тебе закон не велит. Боже мой!

После этой речи лицо ее стало еще угрюмее.

- Я им отвечу, - сказала она. - Но с вами не могу. Вам сказать не могу. Если бы вы были наш, сказала бы... а подмогу если найду, так не у вас. И кончим, ладно? Я знаю, что вы сердитесь, но... вы мне скажите, кого еще... кроме... нашли в этих домах?

- Сейчас, - огрызнулся я. - Все выложу. Расскажу как на духу. Только ты, не дай бог, не оброни лишнего словечка, пока слушаешь, а то нарушишь этику вашей благородной профессии.

Как всякая женщина, она пропустила мои слова мимо ушей и повторила:

- Кого еще?

- Зря теряешь время. Но я вот что сделаю: я назову тебе парочку, которой там не было: Большая Флора и Рыжий О'Лири.

Она перестала смотреть на меня как одурманенная. Зеленые глаза потемнели от ярости.

- А Вэнс был? - спросила она.

- Угадай, - ответил я.

Она посмотрела на меня еще немного, потом поднялась.

- Спасибо за то, что сказали, и за то, что встретились со мной. Я вам желаю успеха.

Она вышла на улицу, где ее поджидал Дик Фоули. Я доел то, что мне принесли.

В четыре часа дня мы с Джеком Кониханом остановили нашу, взятую напрокат машину неподалеку от входа в гостиницу "Стоктон".

- В полиции он отвертелся, так что жилье ему менять вроде незачем, - сказал я Джеку, - а к служащим в гостинице я приставать бы пока не стал - мы их не знаем. Если он до ночи не появится, подкатимся к ним.

Мы закурили и стали обсуждать, кто будет следующим чемпионом в тяжелом весе, где достать хороший джин, как несправедливо новое правило в агентстве, что за работу в Окленде больше не полагается командировочных, и прочие волнующие темы - и так скоротали время от четырех до десяти минут десятого.

В 9.10 из гостиницы появился О'Лири.

- Бог милостив, - сказал Джек и выскочил из машины, чтобы идти за ним пешком, а я завел мотор.

Огневолосый великан увел нас недалеко. Он скрылся за дверью у Лароя. Пока я ставил машину и дошел до кабака, О'Лири и Джек успели найти себе место. Джек устроился за столиком у края танцевальной площадки. О'Лири сидел у противоположной стены возле угла. Когда я вошел, толстая блондинистая пара как раз освобождала столик в углу, и я убедил официанта отвести меня туда.

О'Лири сидел так, что я видел только его затылок и щеку. Он наблюдал за входной дверью, наблюдал с нетерпением, которое сменилось радостью, когда вошла девушка. Та самая, которую Анжела Грейс называла Нэнси Риган. Я уже сказал, что она была миленькая. И это правда.

Задорная синяя шляпка, закрывавшая все волосы, нисколько не повредила сегодня ее милоте.

Рыжий вскочил на ноги и, оттолкнув по дороге официанта и двух-трех посетителей, пошел ей навстречу. Наградой за энтузиазм ему были несколько ругательств, которые он оставил без внимания, и белозубая синеглазая улыбка... тоже, скажем так, милая. Он подвел девушку к своему столу, усадил лицом ко мне и сел сам - лицом исключительно к ней.

Речь его доносилась до меня в виде баритонального рокота, из которого мое шпионское ухо не могло вычленить не слова. Похоже было, что он ей много чего говорил, и слушала она так, как будто ей это нравилось. Один раз до меня долетело:

- Нет, Рыжик, дорогой, так не надо... - Голос у нее - я знаю другие слова, но уж будем держаться этого - звучал мило. В нем был мускус, у него был тембр. Не знаю откуда взялась эта подружка бандита, но либо она воспитывалась в хорошей семье, либо хватала все на лету. Время от времени, когда оркестр брал передышку, до меня доносились несколько слов, но из них я уяснил только, что ни она, ни ее буйный кавалер ничего не имеют друг против друга.

Когда она пришла, ресторан был почти пустой. К десяти он наполнился, а десять для клиентов Лароя - время детское. Я стал меньше обращать внимания на подругу О'Лири, хотя она была мила, и больше - на других моих соседей. Мне бросилось в глаза, что женщин тут маловато. Я присмотрелся - в самом деле, по сравнению с мужчинами их было чертовски мало. Мужчины - мужчины с крысиными лицами, мужчины с угловатыми лицами, с квадратными челюстями, с отвисшими подбородками, бледные мужчины, сухопарые мужчины, странного вида мужчины, свирепого вида мужчины, обыкновенные мужчины - сидели по двое за столиком, по четыре за столиком и приходили все новые, а женщин чертовски мало.

Эти люди разговаривали друг с другом так, будто им было не очень интересно, о чем они говорят. Как бы невзначай они окидывали взглядом зал, и глаза их делались особенно безразличными, когда натыкались на О'Лири. И непременно этот безразличный, скучающий взгляд задерживался на О'Лири на секунду-другую.

Я снова обратился к О'Лири и Нэнси Риган. Он сидел на стуле чуть прямее, чем прежде, но по-прежнему свободно, без скованности, и хотя плечи он немного сутулил, в них тоже не чувствовалось напряжения. Он

засмеялся и повернул лицо к середине зала - казалось, что смеется он не только над ее словами, но и над теми, кто сидит вокруг, чего-то дожидаясь. Смеялся он от души, молодо и беззаботно.

У девушки сделался удивленный вид, как будто этот смех чем-то ее озадачил, потом она продолжила свой рассказ. Не понимает, что сидит на бочке с порохом, решил я. О'Лири же понимал. Каждый его жест, каждый сантиметр его тела будто говорил: я большой, сильный, молодой, лихой и рыжий; когда я понадоблюсь вам, ребята, я буду тут.

Время текло потихоньку. Несколько пар танцевали. Джин Ларой ходил с выражением хмурого беспокойства на круглом лице. Его кабак был полон посетителей, но лучше бы он был пустым.

Около одиннадцати я встал и поманил Джека Конихана. Он подошел, мы обменялись рукопожатием, "как делами" и "ничего себе", и он сел за мой столик.

- Что происходит? - спросил он под гром оркестра. - Ничего не вижу, но в воздухе что-то зреет. Или у меня истерика?

- Ничего, скоро начнется. Волки собираются, а ягненок - Рыжий О'Лири. Пожалуй, можно найти и понежнее, если бы был выбор. Но эти бандюги, видишь ли, ограбили банк, а когда настал день получки, в конвертах у них оказалось пусто, да и конвертов у них не оказалось. Прошел слух, что Рыжий может знать, как это получилось. Результат мы наблюдаем. Сейчас они ждут - может, кого-то, а может, когда покрепче наберутся.

- А мы сидим тут, потому что это будет самый ближний стол к мишени, когда начнется пальба? - спросил Джек, - Подсядем прямо к Рыжему? Это еще ближе, а кроме того, мне приглянулась его дама.

- Не спеши, развлечений тебе хватит, - пообещал я. - Мы не хотим, чтобы О'Лири убили. Если будут торговаться с ним благородно, мы не встречаем, но если станут бросать в него предметами, ты и я вызволим его и подругу.

- Славно сказано, мой любезный. - Он улыбнулся побелевшими губами. - Будут конкретные указания или вызволяем просто и без лишней суеты?

- Видишь дверь у меня за спиной, справа? Когда начнется буза, я иду туда и открываю ее. Ты удерживаешь подступы - на полдороге. Когда тявкну, сделаешь все, чтобы Рыжий сумел до нее добраться.

- Слушаюсь. - Он оглядел зал, наполненный громилами, облизнул губы и посмотрел на свою руку с сигаретой - дрожащую руку. - Надеюсь, вы не думаете, что я загрустил, - сказал он. - Но я же не такой застарелый убийца, как вы. Естественно, у человека реакция на предстоящую бойню.

- Реакция, слышали! Да ты ни жив ни мертв от страха. Только без глупостей, учти. Если будешь ломать тут комедию, я dokonчу то, что не успеют с тобой сделать эти зверюги. Выполняй, что тебе сказано, - ничего больше. Если возникнут остроумные идеи, побереги их, потом поделишься.

- Поведение мое будет примерным! - заверил он.

Было около полуночи, когда появился тот, кого ждали волки. Беспокойство все явственнее проступало у них на лицах, и теперь от напускного безразличия не осталось и следа. Ноги и ножки стульев скребли по полу - люди слегка отодвигались от столов. Мышцы пошевеливались, готовили тела к действию. Языки пробегали по губам, глаза с нетерпением смотрели на входную дверь.

В зал вошел Бритва Вэнс. Он вошел один, кивая знакомым налево и направо, высокий и легкий, грациозно неся свое тело в прекрасно скроенном костюме. Лицо с резкими чертами улыбалось самоуверенно. Не торопясь, но и не мешкая, он подошел к столу О'Лири. Лица Рыжего я не видел, но мускулы у него на шее напряглись. Девушка сердечно улыбнулась Вэнсу и подала руку. Она сделала это естественно. Она ничего не знала.

Поздоровавшись с Нэнси, Вэнс с улыбкой обратился к рыжему великану, в улыбке было что-то от кота, играющего с мышью.

- Как дела, О'Лири? - спросил он.

- У меня - лучше не надо, - грубовато.

Оркестр смолк. Ларой стоял возле входной двери, отирая лоб платком. За столиком справа от меня человек в полосатом костюме - громила с широкой грудью и перебитым носом - тяжело выпускал воздух между золотых зубов и выпученными глазами смотрел на О'Лири, Вэнса и Нэнси. Он ничем не выделялся в этом смысле - очень много людей вели себя точно так же.

Вэнс повернул голову, окликнул официанта:

- Принеси мне стул.

Стул принесли и поставили у свободного края столика, напротив стены. Вэнс сел, лениво развалился, боком к О'Лири; руку он закинул за спинку стула, в правой - дымилась сигарета. Разместившись так, он начал:

- Ну, Рыжий, что ты можешь мне сказать? - Голос звучал вежливо, но достаточно громко и слышен был за соседними столиками.

- А ничего. - О'Лири даже не пытался говорить приветливо или осторожно.

- Что, денег нет? - Тонкие губы Вэнса еще больше растянулись в улыбке, а в темных глазах возник веселый, хотя и неприятный блеск. - Тебе для меня ничего не передавали?

- Нет, - выразительно ответил О'Лири.

- Ничего себе, - сказал Вэнс. Глаза его блеснули еще веселее и неприятнее. - Вот неблагодарность! Поможешь мне получить, Рыжий?

- Нет.

Мне был противен Рыжий; я с удовольствием бросил бы его в беде. Почему не выдумает какую-нибудь отговорку, чтобы Вэнс хотя бы наполовину поверил? Нет, он будет чваниться своей храбростью, как мальчишка, ему непременно надо устроить представление, хотя достаточно было чуть-чуть пошевелить мозгами. Если бы расправились только с этой орысиной, я бы не возражал. Но страдать придется и нам с Джеком, а это уже обидно. Мы не можем потерять Рыжего, он для нас слишком ценен. Мы будем спасать осла от награды, причитающейся ему за упрямство, и из нас сделают отбивные. Какая несправедливость.

- Мне задолжали много денег, О'Лири, - с ленивой насмешкой проговорил Вэнс. - И мне эти деньги нужны. - Он затаился, небрежно выдул дым Рыжему в лицо и продолжал: - Ты знаешь, что в прачечной за одну пижаму берут двадцать шесть центов? Мне нужны деньги.

- Спи в подштаниках, - сказал О'Лири.

Вэнс засмеялся. Нэнси Риган улыбнулась, но смущенно. Она, очевидно, не понимала, в чем дело, но что какое-то дело есть, догадывалась.

О'Лири наклонился вперед и проговорил отдельно, громко, чтобы слышали все желающие:

- Вэнс, у меня для тебя ничего не будет - ни сегодня, ни завтра. И то же самое для остальных, кому интересно. Если ты или они думают, что я вам должен, попробуйте получить. Пошел ты к черту, Вэнс! Не нравится - у тебя здесь кореша. Зови их!

Ну какой отъявленный идиот! Ни на что, кроме санитарной машины, он не согласен, и меня повезут вместе с ним.

Вэнс зло улыбнулся ему, блеснув глазами.

- Ты этого хочешь, Рыжий?

О'Лири растопырил широкие плечи, потом опустил.

- Можно и потолковать,- сказал он. - Только отправлю Нэнси. Ты беги, детка. У меня тут дело.

Она хотела что-то сказать, но с ней заговорил Вэнс. Он говорил легкомысленным тоном и не возражал против ее ухода. Речь его сводилась к тому, что ей будет одиноко без Рыжего. Но он коснулся интимных подробностей этого одиночества.

Правая рука О'Лири лежала на столе. Она переместилась ко рту Вэнса. За это время она успела превратиться в кулак. Удар из такого положения неудобен. Веса в него не вложишь. Действуют только мышцы руки, и не самые сильные. Однако Вэнс улетел со своего стула к соседнему столу.

Стулья в ресторане опустели. Гулянка началась.

- Не зевай, - шепнул я Джеку Конихану и, из всех сил стараясь сойти за нервного толстячка, - что было не так трудно, - побежал к задней двери, мимо людей, которые пока еще медленно двигались к О'Лири. Я, наверное, неплохо изобразил спасающегося от неприятностей - никто меня не остановил, и к двери я поспел раньше, чем стая окружила О'Лири. Дверь была закрыта, но не заперта. Я повернулся к залу, с гибкой дубинкой в правой руке и револьвером в левой. Передо мной были люди, но все - спиной ко мне.

О'Лири возвышался перед своим столиком, на его грубом красном лице было выражение отчаянной лихости, и он уже пружинил на носках, оторвав от пола пятки. Между нами, лицом ко мне, стоял Джек Конихан, его рот кривила нервная усмешка, глаза метались от восторга. Вэнс поднялся. С тонких его губ на подбородок стекала кровь. Глаза были холодны. Он посмотрел на О'Лири с деловитостью лесоруба, прикидывающего, куда свалить дерево. Шайка Вэнса наблюдала за атаманом.

- Рыжий! - рявкнул я в тишине. - Сюда, Рыжий! - Лица повернулись ко мне - все лица в шалмане, миллион лиц.

- Живо, Рыжий, - крикнул Джек Конихан и шагнул вперед с револьвером в руке.

Рука Вэнса нырнула за лацкан. Револьвер Джека гавкнул на него. Вэнс бросился на пол раньше, чем Джек нажал на спуск. Пуля прошла выше, но выхватить оружие вовремя Вэнс не успел.

О'Лири сгреб девушку левой рукой. В правой у него расцвел большой автоматический пистолет. После этого мне стало не до них. Появились другие дела.

Ресторан Лароя был беременен оружием - пистолетами, ножами, дубинками, кастетами, стульями, бутылками и прочими инструментами разрушения. Со своим оружием люди шли ко мне общаться. Игра заключалась в том, чтобы оттеснить меня от двери. Рыжему бы это пришлось по вкусу. Но я не был рыжим молодым забиякой. Лет мне было почти сорок, и лишнего весу - килограммов десять. Возраст и вес располагают к покою. Покоя мне не дали.

Косой португалец полоснул меня по горлу ножом - испортил галстук. Прежде чем он отскочил, я ударил его по уху стволом револьвера, увидел, что ухо надорвалось. Паренек лет двадцати с ухмылкой кинулся мне под ноги - футбольный прием. Я почувствовал его зубы коленом, вскинув его навстречу, почувствовал, как они сломались. Рябой мулат высунул над плечом впередистоящего пистолет. Моя дубинка угодила впередистоящему в руку. Он дернулся в сторону, как раз когда мулат нажал на спусковой крючок, и ему снесло половину лица.

Выстрелил я дважды: один раз, когда в полуметре от моего живота возникло дуло, второй - когда увидел, что человек, стоящий на столе, тщательно целиться мне в голову. В остальном я полагался на руки и ноги, берег патроны. Ночь была молода, а у меня всего дюжина воробышков - шесть в револьвере, шесть в кармане.

На хорошего ежа мы сели.левой сбоку, правой сбоку, ногой; правой сбоку, левой сбоку, ногой. Думать некогда, цель не выбираешь. Господь позаботится, чтобы всегда было рило для твоего револьвера и дубинки, брюхо - заехать ногой.

Прилетела бутылка и угодила мне в голову. Шляпа меня спасла, но в голове от удара яснее не стало. Я покачнулся и сломал чей-то нос - там, где должен был проломить череп. Зал казался душным, непроветренным. Сказал бы кто-нибудь Ларою. Как тебе эта свинчатка в висок, блондинчик? Эта крыса слева, что-то очень близко. Давай поближе - наклонюсь вправо, угостить мулата, а потом обратно тебе навстречу. Неплохо! Но на всю ночь

меня не хватит. Где Джек с Рыжим? Стоят, любуются мной?

Кто-то огрел меня чем-то по плечу - похоже, что ножкой рояля. Я не успел уклониться. Еще одна бутылка унесла мою шляпу и часть скальпа. О'Лири и Джек Конихан прорвались, таща за собой девушку.

Пока Джек проталкивал девушку в дверь, мы с Рыжим немного расчистили перед собой пространство. Тут он был молодец. Я за него не прятался, но и поупражняться ему дал сколько влезет.

- Порядок! - крикнул Джек.

Мы с Рыжим вошли в дверь и захлопнули ее. Она бы и запертая не выдержала. О'Лири послал в нее три пули, чтобы ребятам было о чем подумать, и наше отступление началось. Мы очутились в узком коридоре, хорошо освещенном. В дальнем конце - закрытая дверь. На полпути, справа, - лестница наверх.

- Прямо? - спросил Джек, бежавший первым.

О'Лири сказал "Да", а я "Нет. Вэнс ее перекроет, если полиция не перекрыла. Наверх - на крышу".

Мы добежали до лестницы. Дверь позади распахнулась. Свет погас. Дверь в дальнем конце грохнула о стенку. Света за обеими дверьми не было. Ларой, наверное, выключил рубильник, чтобы его притон не разобрали на зубочистки.

Мы ощупью поднимались по лестнице, а внизу уже началась свалка. Те, кто ворвался через дальнюю дверь, встретили тех, кто гнался за нами, - встреча сопровождалась ударами, руганью, а иногда и выстрелами. Бог им в помощь! Мы шли наверх: Джек впереди, за ним девушка, потом я, и последним О'Лири.

Джек галантно читал девушке дорожные указатели:

- Осторожней на площадке, теперь немного влево, возьмитесь правой рукой за стенку и ...

- Замолчи! - прорывал я. - Пусть лучше она упадет, чем весь кабак на нас навалится.

Мы добрались до второго этажа. Темнее не бывает. Дом был трехэтажным.

- Я потерял эту несчастную лестницу, - пожаловался Джек.

Мы тыкались в темноте, искали лестницу, которая должна была вывести нас на крышу. Не нашли. Грохот внизу затихал. Голос Вэнса объяснял свое, что дерутся со своими, спрашивал, куда мы делись. Никто не знал. И мы не знали.

- Пошли, шепнул я, двинувшись по коридору к задней части здания. - Надо куда-то выбираться.

Внизу еще слышался шум, но уже не дрались. Говорили о том, что нужно включить свет. Я наткнулся на дверь в торце коридора, открыл ее. Комната с двумя окнами, через них проникал слабый свет уличных фонарей. Но после коридора он показался ярким. Мое маленькое стадо вошло за мной, и мы закрыли дверь.

О'Лири был уже у окна, высунулся наружу.

- Переулок, - шепнул он - Спуститься нельзя - разве только прыгать.

- Никого не видно? - спросил я.

- Вроде никого.

Я окинул взглядом комнату: кровать, два стула, комод и столик.

- Столик в окно пройдет, - сказал я. - Бросим его подальше - будем надеяться, что они выбегут на шум, пока не сообразили полезть за нами наверх.

О'Лири и девушка убеждали друг друга, что оба они целы и невредимы. Он оторвался от нее, чтобы помочь мне со столиком. Мы подняли его, раскатали, бросили. Он полетел отлично - ударился о стену противоположного дома и упал во двор - то ли на кучу кровельного железа, то ли на мусорные баки, словом, на что-то изумительно гремучее. Квартала за полтора было слышно, а дальше не знаю.

Через черный ход из ресторана высыпали люди, мы отошли от окна.

Нэнси, не найдя ран на О'Лири, занялась Джеком Кониханом. У него была порезана щека. Нэнси стала колдовать над ней с носовым платком.

- Когда кончите эту, - говорил Джек, - пойду к ним и попорчу другую.

- Никогда не кончу, если будете разговаривать - вы дергаете щекой.

- Это идея, - обрадовался он. - Сан-Франциско - второй по величине город в Калифорнии. Столица штата - Сакраменто. Любите географию? Рассказать вам о Яве? Я там никогда не был. Но пью их кофе. Если. .

Она засмеялась.

- Глупый! Если не замолчите, я сейчас же перестану.

- Это хуже. Молчу

Ничего особенного она со щекой не делала, только стирала кровь - лучше бы дала ей просто засохнуть. Закончив эту бесполезную операцию, она медленно отняла руку и с гордостью осмотрела почти незаметные результаты

своих трудов. Когда ее рука оказалась против его губ, Джек поцеловал на лету кончик пальца.

- Глупый! - повторила она, отдернув руку.

- Кончай там, - сказал Рыжий О'Лири, - или я тебе заеду.

- Легче на поворотах, - сказал Джек Конихан.

- Рыжик! - крикнула девушка, но поздно.

Правый кулак О'Лири описал дугу. Он попал Джеку точно в подбородок, и Джек уснул на полу. Рыжий великан круто повернулся на носках и навис над мной.

- Хочешь что-нибудь сказать? - спросил он.

Я усмехнулся, глядя на Джека, потом Рыжему в лицо.

- Мне стыдно за него, - ответил я. - Если его уложил лопух, который начинает с правой.

- Сам хочешь попробовать?

- Рыжик! Рыжик! - взмолилась девушка, но ее никто не слушал.

- Если начнешь с правой, - сказал я.

- С правой, - пообещал он и начал.

Я шеголевато увел голову от удара и приложил указательный палец к его подбородку.

- А мог бы кулаком, - сказал я.

- Да? На тебе кулаком.

Я нырнул под его левую, и его предплечье скользнуло по моему затылку. Заниматься балетом дальше не имело смысла. Пора уже было попробовать, что я сам смогу с ним сделать и смогу ли. Девушка повисла у него на руке.

- Рыжик, милый, неужели тебе не хватит на сегодня драк? Пускай ты ирландец, но хоть раз можешь вести себя как разумный человек?

У меня руки чесались заехать этому дроволому, пока его держит подруга.

Он засмеялся, нагнул голову, чтобы поцеловать ее в губы, и ухмыльнулся мне.

- Ничего, как-нибудь еще попробуем, - благодушно пообещал он.

Надо все-таки выбираться отсюда, - сказал я. - Ты тут устроил базар, оставаться опасно

- Не огорчай себя, мальчик, - сказал он. Держись за мой хлястик, и я тебя вытащу

Дубина. Если бы не мы с Джеком, от него бы и хлястика не осталось.

Мы подкрались к двери, прислушались, ничего не услышали.

- Лестница на третий этаж должна быть ближе к фасаду, - шепнул я. - Попробуем ее найти.

Мы осторожно открыли дверь. Из нашей комнаты в коридор просочилось немного света: похоже было, что там никого нет. Мы, крадучись, пошли по коридору, причем и Рыжий и я держали девушку за руки. Я надеялся, что Джек выпутается благополучно, но пока что он отдыхал, а у меня забот и без него хватало.

Никогда не думал, что в ресторане у Лароя два километра коридоров. Оказалось - не меньше. Только до лестницы, по которой мы поднялись, пришлось идти не меньше километра. Мы не задержались перед ней, чтобы послушать голоса снизу. Еще через километр О'Лири нащупал ногой первую ступеньку лестницы, ведущей на третий этаж.

И тут на верхней площадке прежней лестницы закричали:

- Все наверх - они здесь!

На кричавшего упал белый луч света, и снизу кто-то с ирландским выговором скомандовал:

- Да слазь оттуда, петух полуночный.

- Полиция, - прошептала Нэнси Риган, когда мы уже взбежали по нашей лестнице на третий этаж.

Снова темень не хуже той, из которой мы вылезли. Мы тихо стояли на площадке. Новых спутников у нас, кажется, не появилось.

- На крышу, - сказал я. - Рискнем зажечь спичку.

Слабый огонек осветил нам в углу прибитую к стене лесенку и над ней люк в потолке. Не теряя больше времени, мы вылезли на крышу и закрыли люк.

- Пока все как по маслу, - сказал О'Лири, - а если Вэнсова шпана повозится с легавыми еще минутку - будьте здоровы.

Я повел их по крышам. Спустились метра на три, на крышу соседнего дома, поднялись на следующую и на другом ее краю, над узким двором, который выходил в переулок, нашли пожарную лестницу.

- Годится, по-моему, - сказал я и полез вниз.

За мной стала спускаться девушка, потом О'Лири. Двор был пуст - узкий бетонный проход между домами. Нижняя перекладина лестницы заскрипела под моей тяжестью, однако этот шум никого не привлек. Во дворе было темно, но не совсем.

- На улице разбегаемся, - сказал мне О'Лири, даже не подумав поблагодарить за помощь, - кажется, он так и не понял, что нуждался в ней.- Ты своей дорогой - мы своей.

- Ага, - согласился я, пытаюсь сварить что-нибудь в котелке. - Сперва разведваю переулок.

Я осторожно прошел в другой конец двора и рискнул высунуть в переулок голову. Там было тихо, но на углу, примерно за четверть квартала, два бездельника бездельничали чересчур настороженно. Это были не полицейские. Я вышел в переулок и поманил их. Они не могли узнать меня на таком расстоянии и при таком свете, и если они были из шайки Вэнса, ничто не мешало им принять меня за своего.

Когда они направились к нам, я отступил во двор и тихо свистнул Рыжему. Он был не из тех, кого надо дважды звать на драку. Он подошел ко мне одновременно с ними. Я занялся одним. Он взялся за другого.

Поскольку мне нужна была кутерьма, я трудился, как вол, чтобы ее добиться. Эти ребята были форменные кролики. Из тонны таких не получится и пяти граммов драки. Мой все никак не мог понять, зачем я с ним так груб. Пистолет у него был, но он сразу умудрился его выронить и пока мы возились, от чьей-то ноги пистолет отлетел в сторону. Он барахтался, а я потел чернилами, пытаясь перекантовать его в нужную позицию. Темнота была мне на руку, но даже в темноте трудно было изображать борьбу, пока я перемещал его за спину О'Лири, не имевшего никаких хлопот со своим клиентом.

Наконец я добился желаемого. Я был позади О'Лири, который прижал своего к стене одной рукой, а другой - приготовился еще разок ему вмазать. Левой рукой я заломил своему человеку кисть, поставил его на колени, потом вынул револьвер и выстрелил О'Лири в спину, под правое плечо.

О'Лири качнулся, придавив своего партнера к стене, а я своего ударил по темени рукояткой револьвера.

- Он попал в тебя, Рыжий? - спросил я, поддерживая его, и приласкал по голове его пленника.

- Да.

- Нэнси! - позвал я

Она подбежала.

- Возьмите его под ту руку. Держись, Рыжий, мы оторвемся.

Свежая рана не дала еще толком себя почувствовать, но правая рука у него не действовала. Мы побежали к углу

За нами погнались раньше, чем мы туда прибежали. На улице к нам поворачивались удивленные лица. Полицейский, стоящий за квартал от нас, направился в нашу сторону. Поддерживая О'Лири с обеих сторон, мы отбежали от него еще на полквартала - туда, где оставилась машина, на которой мы приехали с Джеком. Пока я заводил мотор, а Нэнси устраивала Рыжего на заднем сиденье, улица оживилась. Полицейский закричал нам вслед и выстрелил в воздух.

Куда ехать, я пока не знал и поэтому, оторвавшись от погони, сбавил скорость, попетлял по городу еще немного и остановился на темной улице за Ван-Несс-авеню.

Я обернулся: О'Лири обмяк в углу, а Нэнси его подпирала.

- Куда? - спросил я.

- В больницу, к врачу, куда-нибудь! - закричала девушка. - Он умирает!

Я ей не поверил. А если и вправду умирает - сам виноват. Если бы он был благодарным человеком и взял меня с собой, как друга, мне не пришлось бы его дырявить, чтобы сопровождать потом в качестве санитара.

- Куда, Рыжий? - спросил я, постучав его по колену пальцем.

Сиплым голосом он назвал мне гостиницу на Стоктон-стрит.

- Не годится, - возразил я. - Весь город знает, что ты там; вернешься - тебе крышка. Куда?

- В гостиницу, - уперся он.

Я вылез из-за руля, встал коленями на сиденье, перегнулся через спинку и начал его обрабатывать. Он был слаб. Спротивлялся долго не мог. Ломать человека, который и в самом деле, может быть, умирает, неблагородно, но очень уж много хлопот я взял на себя из-за этого фрукта, чтобы попасть к его друзьям, и бросать дело на половине не собирался. Поначалу было похоже, что он недостаточно размяк и придется еще разок его продырывать. Но девушка приняла мою сторону, и вдвоем мы убедили его, что это единственный надежный выход - поехать туда, где его спрячут и где за ним будет уход. И даже не так убедили, как просто замучили - сдался он потому, что ослаб и больше не мог спорить. Он дал мне адрес возле Холлипарка.

Надеясь на лучшее, я повел машину туда.

Дом был маленький, в ряду других маленьких домов. Мы извлекли О'Лири из машины и, поддерживая с обеих сторон, повели к двери. Даже с нашей помощью он дошел еле-еле. На улице было темно. В доме свет не горел. Я позвонил.

Никакого ответа. Я позвонил опять, потом еще раз.

- Кто там? - спросил грубый голос.

- Рыжего ранили, - сказал я.

Тишина. Потом дверь слегка приоткрылась. Изнутри дома в прихожую падал свет - достаточно света, чтобы узнать плоское лицо и мускулистые челюсти головолома - телохранителя, а затем палача Мацы.

- Какого черта надо? - спросил он.

- На Рыжего напали. Он ранен, - объяснил я, выдвигая обмякшего великана вперед.

Но приютить нас не торопились. Горилла держал дверь по-прежнему.

- Подождите, - сказал он и захлопнул ее у нас перед носом. Внутри раздался его голос: "Флора".

Все правильно - Рыжий привел меня куда надо.

Дверь снова открылась - на этот раз настежь, и мы вместе с Нэнси Риган ввели раненого в прихожую. Рядом с гориллой стояла женщина в черном шелковом платье с глубоким вырезом - Большая Флора, решил я.

На каблуках ей чуть-чуть не хватало роста до метра восьмидесяти, но я заметил, что туфли на ней маленькие и руки без колец - тоже маленькие. Остальные части маленькими не были. Широкие плечи, могучая грудь, толстые бицепсы и шея, при всей ее розовой гладкости напоминавшая шею борца. Моих лет - под сорок; очень курчавые и коротко острижены волосы соломенного цвета, очень розовая кожа и красивое, но грубое лицо. У нее были серые глубоко посаженные глаза и толстые, но хорошей формы губы; широковатый, чуть загнутый нос производил впечатление силы, и основательный подбородок этого впечатления отнюдь не портил. От лба до горла под розовой кожей все было простелено ровными плотными тугими мышцами.

Я понял, что с Флорой шутки плохи. Судя по внешности и повадкам этой женщины, она вполне могла организовать и налет и последующую раздачу призов. Если лицо и тело не ввали, у нее для этого хватило бы сил - и физических, и ума, и воли - и еще остались бы лишние. Стоявший рядом с ней громила и рыжий великан, которого подпирал я, были сделаны из материала пожизне

- Ну? - спросила она, когда за нами закрылась дверь. Голос у нее был низкий, но не мужской. Он вполне отвечал ее внешности.

- Вэнс со своей кодлой прихватили его у Лароя. У него пуля в спине, - сказал я.

- А ты кто?

- Уложите его. - Я тянул время. - У нас вся ночь для разговоров.

Она повернулась и шелкнула пальцами. Из двери в тыльной стороне вынырнул потертый старичок. В карих глазах его застыл испуг.

- Живо наверх, - приказала она. - Постели кровать, принеси горячей воды и полотенца.

Старичок запрыгал вверх по лестнице, как ревматический заяц.

Гориллообразный сменил Нэнси возле Рыжего, и вдвоем мы втащили великана в комнату наверху, где старичок суетился с тазами и тряпками. За нами поднялись Флора и Нэнси Риган. Мы положили раненого ничком и раздели. Из раны еще текла кровь. Он был без сознания.

Нэнси Риган зашлась.

- Он умирает! Врача! Рыжик, дорогой мой...

- Замолчи! - сказала Большая Флора. - Поделом ему, идиоту - поперся к Ларою! - Она схватила старичка за плечо и отшвырнула к двери. - Еще воды, - крикнула она ему вслед. - Окунь, дай мне свой нож.

Гориллообразный вынул из кармана пружинный нож с точеным-переточеным узким и тонким лезвием. Этот нож, подумал я, перерезал горло Мацы.

Флора вырезала им пулю из спины О'Лири.

Пока шла операция, Окунь не выпускал Нэнси Риган из угла комнаты. Напуганный старичок стоял на коленях возле кровати, подавал Флоре то, что она просила, промокал кровь из раны.

Я стоял рядом с Флорой и раскуривал сигареты из пачки, которую она мне дала. Она поднимала руку, я вынимал сигарету из своего рта и вставлял ей. Она делала затяжку, сразу на полсигареты, и кивала. Я вынимал сигарету у нее изо рта. Она выпускала дым и снова наклонялась к раненому. Я прикуривал от окурка новую и ждал ее сигнала.

Ее голые руки были по локоть в крови. По лицу тек пот. Все это напоминало бойню и длилось довольно долго. Но когда она выпрямилась, чтобы затянуться в последний раз, пуля из Рыжего была вынута и сам он перевязан.

- Ну, слава богу, все, - сказал я, закуривая теперь уже свою сигарету. - Они у тебя с торфом, что ли?

Испуганный старичок занялся уборкой. Нэнси Риган потеряла сознание в кресле, и никто не обращал на нее внимания.

- Окунь, присмотри за этим гостем, - сказала Флора, кивнув на меня, - я помоюсь.

Я подошел к девушке, потер ей руки, плеснул воды в лицо, и она очнулась.

- Пулю вынули. Рыжий спит. Через недельку опять полезет в драку, - сказал я ей.

Нэнси вскочила и подбежала к кровати.

Вошла Флора. Она умылась и переменяла измазанное кровью черное платье на зеленое кимоно, из-под которого там и сям выглядывали крупные части в сиреновом белье. Она встала передо мной и скомандовала:

- Говори: кто, откуда, зачем?

- Я Перси Магуайр, - сказал я, словно это только что выдуманное имя все объясняло.

- Это - "кто", - сказала она так, словно мое липовое имя ничего не объясняло. - А теперь - откуда?

Гориллообразный Окунь стоял сбоку, оглядывая меня с головы до пят. Я коренаст и грузноват. Дети от моего лица не разбегаются, но на нем более или менее правдиво запечатлелась жизнь, не перегруженная утонченностью и этикетом. Сегодняшние развлечения украсили меня синяками и царапинами, оставили след на том, что сохранилось на мне из одежды.

- Персик, - откликнулся горилла, ощерив редкие желтые зубы. - У тебя папа с мамой цветов не разбирали!

- Это тебе и "откуда" и "зачем", - настаивал я, не обращая внимания на шутки из зоопарка. - Я Перси Магуайр, и мне нужны мои полтораста тысяч долларов.

Толстые брови ее сползли на глаза.

- Тебе причитается полтораста тысяч, да?

- Ага, - ответил я. - За ними и пришел.

- Ах, ты не получил? Ты хочешь получить?

- Слушай, сестренка, гони мои деньги. - Чтобы спектакль удался, вести себя надо было без церемоний. - А от этих "ах, ты получил", "ах, ты не получил" мне только пить охота. Банк мы взяли, поняла? Потом вижу, деньги наши накрылись, и говорю своему корешу: "Ничего, мы с них стребуем. Держись за Перси, и все". Потом ко мне подваливает Вэнс и говорит: "Давай с нами", я говорю: "Ладно" - и мы с корешом идем с ними и сегодня вечером

встречаем Рыжего в шалмане. Тогда я говорю корешу: "Эти костогрызы кончат Рыжего, и мы ничего не получим. Мы его у них отнимем и заставим отвести туда, где Флора сидит на деньгах. Теперь там будет по полтораста тысяч на брата - делить-то осталось почти не с кем. А когда получим, охота будет Рыжего убрать - никто не мешает. Только дело сперва, удовольствие после, а полтораста тысяч - это дело". Сказано - сделано. Мы выручили большого, когда на него напали. Кореш по дороге залип на девушке, получил в зубы и лег спать. Мое дело маленькое. Если она ему дороже, чем полтораста тысяч, - на здоровье. Я пошел с Рыжим. Я вы-тащил его, когда он поймал пулю. Вообще-то мне и доля кореша полагается - это триста тысяч, - но дай мне полтораста, как я хотел сначала, и мы в расчете.

Я думал, что этот номер у меня пройдет. Что она выдаст деньги, я, конечно, не надеялся, но если рядовые в банде не знают этих людей, с чего бы этим людям знать каждого бандита?

Флора сказала Окуню:

- Убери его телегу от подъезда.

Когда он вышел, мне стало легче. Если бы она хотела разделаться со мною сразу, она бы не послала его отгонять машину.

- Пожрать у вас есть? - сказал я, располагаясь, как дома.

Она подошла к лестнице и крикнула наверх:

- Принеси нам поесть.

Рыжий лежал без сознания. Нэнси Риган сидела рядом с ним, держала его за руку. В лице у нее не было ни кровинки. В комнату снова вошла Флора, посмотрела на раненого, приложила ладонь к его лбу, пощупала пульс.

- Пойдем вниз, - сказала она.

- Я... я лучше тут останусь, если можно, - сказала Нэнси Риган. В глазах и голосе ее был ужас перед Флорой.

Большая женщина, ничего не сказав, пошла вниз. Я спустился за ней в кухню, где старичок жарил на плите яичницу с ветчиной. Я заметил, что окна и черный ход забиты толстыми досками, которые связаны вдобавок брусьями, приколочены к полу. Часы над раковиной показывали 2.50 ночи.

Флора принесла бутылку и налила себе и мне. Пока мы ждали за столом еду, она ругала на чем свет стоит Рыжего О'Лири и Нэнси Риган - он выбыл из игры, потому что пошел к ней на свидание, как раз когда его сила тут больше всего нужна. Она ругала их и по отдельности и

парой, и даже расширительно, затрагивая всю ирландскую нацию, - но тут старичок принес нам яичницу с ветчиной.

Когда мы покончили с едой и размешивали самогон уже во второй чашке кофе, вернулся Окунь. С новостями.

- На углу торчит парочка рож, и они мне не нравятся.

- Легавые или?.. - спросила Флора.

- Или, - сказал он.

Флора снова стала проклинать Рыжего и Нэнси, но на эту тему добавить было почти нечего. Она повернулась ко мне.

- Какого лешего ты их приволок? - спросила она. - С хвостом в километр длиной! Пусть бы подох там, где получил, идиот!

- Я приволок его сюда за сто пятьдесят тысяч. Отначишь мне, и я смываюсь. Ты мне больше ничего не должна. Я тебе ничего не должен. Чем языком молоть, гони бабки, и я отваливаю.

- Сейчас, как же, - сказал Окунь.

Женщина посмотрела на меня из-под нахмуренных бровей и отпила кофе.

Через пятнадцать минут в кухню вбежал обтрепанный старичок и сказал, что слышит шаги на крыше. Его выцветшие карие глаза затянула коровья поволока страха, сморщенные губы кривились под взлохмаченными желтоседами усами.

Флора высыпала на него пригорошню похабных существительных и прилагательных и прогнала наверх. Она встала из-за стола и потуже запахнула на себе зеленое кимоно.

- Ты здесь, - сказала она мне, - и отбиваться будешь с нами. У тебя нет выхода. Пушка есть?

Я признал, что револьвер есть, но в ответ на остальное помотал головой.

- Не моя вахта - пока что, - сказал я. - Чтобы нанять Перси, надо полтораста тысяч, мелкими бумажками, на руки.

Я хотел узнать, здесь ли спрятана добыча.

С лестницы донесся слезливый голос Нэнси Риган:

- Нет, нет, милый! Прошу тебя, прошу тебя, ляг в постель! Рыжик, ты себя погубишь!

В кухню вошел О'Лири. На нем были только серые штаны и повязка. Глаза горели лихорадочным счастьем. Пересохшие губы улыбались. В левой руке у него был

пистолет. Правая висела бесполезно. За ним семенила Нэнси. Она перестала причитать и сжалась позади него, увидев Большую Флору.

- Дайте гонг, и начнем. - Полуголый великан захохотал. - Вэнс на нашей улице.

Флора подошла к нему, взяла пальцами его запястье, подержала секунды три и кивнула.

- Полоумный сукин сын, - больше всего в ее голосе было, пожалуй, материнской гордости. - Ты уже сейчас годишься для драки. И очень кстати - будет тебе драка.

Рыжий засмеялся - засмеялся торжествующе, хвастаясь своей крепостью, - и тут его глаза обратились ко мне. Смех из них исчез, и они недоуменно сощурились.

- А-а, ты? - сказал он. - Ты мне снился, не помню только где. Где же... Погоди. Сейчас вспомню. А-а вот... Черт! Снилось, что это ты в меня стрелял!

Флора улыбнулась мне - в первый раз я увидел у нее улыбку - и быстро сказала:

- Окунь, возьми его!

Извернувшись, я наискось выскочил из кресла. Кулак Окуня ударил меня в висок. Ловя ногами пол, я отлетел в другой конец комнаты и вспомнил синяк на виске мертвого Мацы.

Стена остановила меня, и тут же навалился Окунь.

Я ударил его кулаком в плоский нос. Брызнула кровь, но его волосатые лапы меня не выпустили. Я прижал подбородок к груди и ударил его головой в лицо. На меня пахло духами Большой Флоры. По мне скользнуло ее шелковое кимоно. Обеими руками схватив меня за волосы, она отогнула мне голову - открыла мою шею для Окуня. Он сжал ее лапами. Я затих. Он душил не сильнее, чем было нужно, но этого хватало.

Флора обыскала меня - револьвер, дубинка.

- Револьвер 9,65, - объявила она. - Рыжий, я вынула из тебя револьверную пулю 9,65. - Ее слова едва доносились до меня сквозь рев в ушах.

В кухне тараторил голос старичка. Я не мог разобрать, что он говорит. Руки Окуня отпустили меня. Я сам схватил себя за горло. Невыносимо было, когда его не сдавливали. Чернота медленно уплыла из моих глаз, оставив много пурпурных облачков, плававших и плававших по кругу. Наконец я сумел сесть на полу. И только тогда понял, что лежал на нем.

Пурпурные облачка съеживались, и я уже видел между ними, что нас в комнате трое. В углу свесилась в

кресле Нэнси Риган. В другом кресле, у двери, с черным пистолетом в руке сидел испуганный старичок. В глазах у него был отчаянный страх. Наведенный на меня пистолет трясся вместе с рукой. Я хотел сказать, чтобы он либо перестал трястись, либо отвел пистолет, но еще не мог выдать ни слова.

Наверху прогремели выстрелы, их грохот наполнил тесный дом.

Старичок вздрогнул.

- Выпустите меня, - вдруг прошептал он, - и я вам все отдам. Отдам! Все... если выпустите меня из этого дома!

Слабый лучик света там, где не было и проблеска, вернул мне голосовые способности.

- Ближе к делу, - выдал я.

- Я отдам вам этих, наверху... эту дьяволицу. Я отдам вам деньги, я отдам вам все - если выпустите. Я старый. Я больной. Я не могу жить в тюрьме. Что у меня общего с грабежами? Ничего. Разве я виноват, что дьяволица?.. Вы же сами видели. Я раб... а мне жить осталось всего ничего. Надругательства, брань, побои... и этого мало. Теперь я попаду в тюрьму, потому что эта дьяволица - настоящая дьяволица. Я старик, я не могу жить в тюрьмах... Выпустите меня. Сделайте доброе дело. Я отдам вам дьяволицу... и этих дьяволов... награбленные деньги. Обещаю вам! - И это говорил насмерть перепуганный старичок, ерзавший и корчащийся в кресле.

- Как я тебя вытащу? - Я поднялся, не сводя глаз с его дула. Добраться бы до него, пока разговариваем.

- Как "как"? Вы друг полицейских, я знаю. Полицейские уже здесь - ждут рассвета, чтобы войти в дом. Я своими старыми глазами видел, как они забрали Бритву Вэнса. Вы можете провести меня мимо ваших друзей, полицейских. Сделайте как я прошу, а я отдам вам этих дьяволов и их деньги.

- Предложение хорошее, - ответил, я беспечно шагнул к нему. - Но могу я просто выйти отсюда, когда захочу?

- Нет! Нет! - сказал он, не обратив внимания на то, что я сделал к нему еще шаг. - Сперва я отдам вам трех дьяволов. Я отдам вам их живыми, но бессильными. И их деньги. Обещаю - и тогда вы выпустите меня... и эту девушку. - Он вдруг кивнул на Нэнси, чье белое лицо, все еще хорошенькое, несмотря на ужас, почти целиком превратилось в огромные глаза. - Она тоже не повинна в преступлениях этих дьяволов. Она должна уйти со мной.

Интересно, подумал я, что этот старый заяц о себе возомнил? Я нахмурился с преувеличенной задумчивостью, а тем временем сделал еще один шаг.

- Не сомневайтесь, - убежденно прошептал он. - Когда дьяволица вернется в эту комнату, вы умрете - она вас обязательно убьет.

Еще три шага - и я доберусь до него и до его пистолета.

В коридоре раздались шаги. Поздно прыгать.

- Да? - в отчаянии прошептал он.

За какую-то долю секунды до того, как вошла Большая Флора, я кивнул.

Она переоделась перед боем в синие брюки - возможно Окуня, - расшитые бисером мокасины, шелковую кофточку. Курчавые соломенные волосы, чтобы не мешались, она стянула лентой. В руке у нее был револьвер, и еще по одному в карманах брюк.

Тот, что в руке, поднялся.

- Тебе конец, - сказала она деловито.

Мой новый союзник заныл:

- Подожди, подожди, Флора! Не здесь же, прошу тебя! Дай я отведу его в подвал.

Она нахмурилась, пожала шелковыми плечами.

- Только быстро, - сказала она. - Через полчаса рассветет.

Я бы засмеялся над ними, если бы не так хотелось плакать. Я должен верить, что этот старый заяц заставил ее переменить планы? Видимо, я отчасти надеялся на помощь старика, иначе не был бы так разочарован этой маленькой комедией, показавшей мне, что они просто устроили западню. Но в какую бы дыру меня не заманивали, едва ли она будет хуже той, в какой я нахожусь.

И я вышел впереди старичка в коридор, открыл дверь, которую он мне показал, включил свет в цокольном этаже и стал спускаться по неровным ступенькам. Он шептал мне за спиной:

- Сперва я покажу вам деньги, потом отдам вам этих дьяволов. А вы не забудете ваше обещание? Мы с девушкой пройдем через полицейских?

- Ну да, - успокоил я хрыча

Он нагнал меня, сунул мне в руку пистолет.

- Спрячьте его, - шепнул он, и когда я засунул пистолет в карман, дал еще один, вынув, как и первый, из-под пиджака.

А потом он и в самом деле показал мне добычу. Деньги еще лежали в ящиках и мешках, как их вынесли из банков. Он захотел открыть несколько штук и показал мне деньги - зеленые пачки, обклеенные желтой банковской лентой. Ящики и мешки хранились в маленьком кирпичном чулане с висячим замком на двери, и ключ был у него.

Когда мы коснулись осмотра, он закрыл дверь, но не запер и повел меня назад, ко входу.

- Это, как видите, деньги, - сказал он. - Теперь насчет них. Вы станете здесь, спрячетесь за этими ящиками.

Перегородка делила подвал надвое. В ней была дверная коробка, но без двери. Старик велел мне спрятаться около этого проема между перегородкой и четырьмя ящиками. Стоя там, я оказывался чуть сзади и справа от того, кто спускался по лестнице и шел через подвал к чулану с деньгами. Оказывался я в этой позиции тогда, когда человек проходил через проем в перегородке.

Старик возился за каким-то ящиком. Он достал полуметровый обрезок свинцовой трубы, одетый в черный садовый шланг. Он дал мне его и все объяснил:

- Они будут приходить сюда по одному. Когда войдут в эту дверь, вы знаете, что надо делать. И тогда они ваши, а мне вы дали обещание. Так или нет?

- Ну да, - ответил я, теряя уже всякое соображение.

Он ушел наверх. Я пригнулся за ящиками, осмотрел пистолеты, которые он мне дал, и будь я проклят, если обнаружил в них хоть один изъян. Оба были заряжены и с виду исправны. Этот последний штрих окончательно сбил меня с толку. Я уже не понимал, в подвале стою или летаю на азростате.

Когда в подвал вошел О'Лири, по-прежнему только в брюках и повязке, мне пришлось сильно тряхнуть головой, чтобы прийти в себя; я ударил его трубой по затылку, едва его босая нога переступила порог. Он растянулся ничком.

Старик сбежал по ступенькам, не переставая улыбаться.

- Торопитесь! Торопитесь! - пропыхтел он, помогая мне тащить Рыжего в чулан с деньгами. Потом он достал два куска веревки и связал великана по рукам и ногам. - Торопитесь! - пропыхтел он еще раз и убежал наверх, а я вернулся в засаду и помахал трубой, размышляя, что если Флора меня застрелила, то я сейчас просто получаю

вознаграждение за свою добродетель - в рай, где я буду вечно радоваться, глуша тех, кто плохо обходился со мной внизу.

Спустился горилла-головолом, подошел к двери. Сам получил по голове. Прибежал старичок. Мы отволокли Окуна в чулан, связали.

- Торопитесь! - пропыхтел старый хрыч, приплясывая от возбуждения. - Теперь эта дьяволица - бейте сильнее! - Он убежал наверх и зашлепал ногами где-то у меня над головой.

Я чуть отодвинул в сторону недоумение, расчистив место хотя бы для маленькой работы ума. Эта ерунда, которой мы занялись, ни на что не похожа. Этого просто не может быть. В жизни так ничего не делается. Ты не стоишь в углах, не глушишь людей одного за другим, как машина, пока старый сморчок подает их тебе в дверь. Бред собачий! С меня хватит!

Я прошел мимо своей засады, положил трубу и нашел себе другое местечко, под какими-то полками, около лестницы. И присел там на корточки, с пистолетами в обеих руках. В этой игре, что-то не чисто... должно быть нечисто. За болвана я больше сидеть не буду.

По лестнице спустилась Флора. Старичок трусил за ней.

Она держала два пистолета. Ее серые глаза рыскали повсюду. Она пригнула голову, как зверь, выходящий на драку. Ноздри у нее трепетали. Она спускалась не быстро и не медленно, и все движения ее тела были точны, как у танцовщицы. Сто лет проживу, а не забуду, как спускалась по нетесаным ступенькам эта статная свирепая женщина.

Она увидела меня, когда я поднялся.

- Брось оружие! - сказал я, уже зная, что она не бросит.

В тот миг, когда она навела на меня левый пистолет, старик выхватил из рукава квелую дубинку и ударил ее в висок. Я прыгнул и подхватил Флору, не дав ей удариться о цемент.

- Вот видите! - радостно сказал старичок. - Деньги - у вас, и они - ваши. А теперь выпустите меня и девушку.

- Сперва уложим ее с остальными, - сказал я.

Он помог мне перетащить Флору, и я велел ему запереть дверь чулана. Он запер, я отобрал ключ одной рукой, а другой взял его за горло. Он извивался, как змея, пока я обшаривал его, вынимая кистенек и пистолет и ощупывал пояс с деньгами

- Сними его, - приказал я. - С собой ты ничего не унесешь.

Руки его повозились с пряжкой, вытащили пояс из-под одежды, бросили на пол. Набит он был туго.

Держа старика за шею, я отвел его наверх, в кухню, где застыв, сидела девушка. При помощи основательной порции виски и множества слов мне удалось растопить ее, и в конце концов она поняла, что выйдет отсюда со стариком, но никому не должна говорить ни слова, в особенности полицейским.

- Где Рыжик? - спросила она, когда на лицо ее вернулись краски - хотя хорошеньким оно оставалось и без них, - а в глазах появился проблеск мысли.

Я ответил, что он на месте, и пообещал ей, что к утру он будет в больнице. Остальное ее не интересовало. Я прогнал ее наверх за пальто и шляпой, сходил вместе со старичком за его шляпой, а потом отвел их обоих в комнату на нижнем этаже.

- Сидите здесь, пока не приду за вами, - сказал я, запер их и положил ключ в карман.

Парадная дверь и окно на нижнем этаже были забраны досками и брусьями так же, как задние. Я не рискнул их открывать, хотя уже светало. Я поднялся наверх, соорудил из наволочки и кровати планки белый флаг, высунул в окно и, когда чей-то бас сказал мне: "Ладно, давай говори", высунулся сам и сказал полицейским, что сейчас их впущу. Чтобы открыть парадную дверь, я минут пять работал топориком. Когда дверь открылась, на ступеньках и тротуаре стояли начальник полиции, капитан из уголовного розыска и половина личного состава полиции. Я отвел их в подвал и выдал им Большую Флору, Окуня и Рыжего О'Лири вместе с деньгами. Флора и Окунь очнулись, но не разговаривали.

Пока сановники толпились вокруг добычи, я ушел наверх. Дом наполнили полицейские сыщики. Я здоровался с ними по дороге к комнате, где оставил Нэнси Риган и старика. Лейтенант Дафф возился с запертой дверью, а Хант и О'Гар стояли у него за спиной.

Я улыбнулся Даффу и отдал ключ.

Он открыл дверь, посмотрел на старика и девушку - больше на девушку, - потом на меня. Они стояли посреди комнаты. Выцветшие глаза старика смотрели жалко и

вопросительно, а голубые глаза девушки потемнели от тревоги. Тревога ничуть не повредила ее красоте.

- Если это ваше - вы не зря заперли на замок, - шепнул О'Гар мне на ухо.

- А теперь можете бежать, - сказал я им. - Отоспитесь как следует, на работу явитесь завтра.

Они кивнули и вышли из дома.

- Вот как у вас в агентстве поддерживают равновесие? - сказал Дафф. - На каждого урода служащего по красавице?

В коридоре появился Дик Фоули.

- Что у тебя? - спросил я.

- Финиш. Анжела привела меня к Вэнсу. Он привел сюда. Я привел полицейских. Его взяли... Ее взяли.

На улице грохнули два выстрела. Мы подошли к двери и увидели какую-то возню в полицейской машине. Мы подошли к ней. Бритва Вэнс в наручниках корчился в кабине, сползая на пол.

- Мы держали его в машине, Хьюстон и я, - объяснил Даффу агент в штатском, человек с жестким ртом. - Он хотел бежать, схватил револьвер Хьюстона обеими руками. Мне пришлось стрелять... два раза. Капитан нам голову оторвет! Ей-богу, я бы не стал стрелять, но тут - либо он, либо Хьюстон!

Дафф обозвал агента ирландской дубиной и помог ему поднять Вэнса на сиденье. Полные боли глаза Вэнса остановились на мне.

- Я...тебя... знаю? - выдавил он. - "Континентал"... Нью-Йорк?

- Да.

- Не мог... вспомнить... у Лароя... с Рыжим?

- Да, - сказал я. - Взяли Рыжего, Флору, Окуня и деньги.

- А Папа... до... пуло... са... нет.

- Папа до чего? - переспросил я, и спина у меня похолодела.

Он приподнялся на сиденье.

- Пападопулос, - выговорил он из последних сил. - Хотел... пристрелить его... уходит с девушкой... лега-вый... поспешил... жалко...

Слова в нем кончились. Он содрогнулся. Смерть уже стояла в его зрачках. Врач в белом хотел протиснуться мимо меня в машину. Я оттолкнул его и нагнувшись схватил Вэнса за плечи. Затылок у меня оледенел. В животе было пусто.

- Слушай, Вэнс, - крикнул я ему в лицо. - Пападопулос? Старичок? Мозги шайки?

- Да, - сказал Вэнс, и последняя капля крови вышла из него с этим словом.

Я уронил его на сиденье и отошел.

Конечно! Как же я не сообразил? Старый мерзавец - если бы не он, при всем его испуге, был главной пружиной, смог бы он так ловко сдать мне остальных, по одному? Их загнали в угол. Либо погибнуть в перестрелке, либо сдаться и кончить на виселице. Ничего другого им не оставалось. Полиция схватила Вэнса - он мог сказать и наверняка сказал бы, что Пападопулос был атаманом, и ни возраст, ни хилость, ни маска прислужника не помогли бы старому хрычу выкрутиться на суде.

А я? Мне тоже ничего не оставалось, как принять его условия. Иначе - конец. Я был воском в его руках, его сообщники были воском. Он списал их так же, как они помогли ему списать других, а я отпустил его на все четыре стороны.

Теперь я могу искать его, могу перевернуть город вверх дном - я обещал только выпустить его из дома, - но...

Что за жизнь!

- Я Том-Том Кери, - с растяжкой сказал он.

Я кивнул на кресло возле моего письменного стола и, пока он подходил, прикинул, с кем имею дело. Высокий, широкоплечий, широкогрудый, узкий в поясе, он весил, пожалуй, килограммов восемьдесят пять. Смуглое лицо его было твердым, как кулак, но ничего в нем не говорило о дурном характере. Синий костюм был на нем хороший и сидел хорошо.

Усевшись, он завернул в коричневую папиросную бумагу заряд табака и объяснил:

- Я брат Пэдди Мексиканца.

Я решил, что это, возможно, правда. По масти и повадкам Пэдди был похож на гостя.

- Значит, ваша настоящая фамилия - Каррера, - обронил я.

- Да, - он раскурил самокрутку. - Альфредо Эстанислао Кристоаль Каррера, если желаете подробнее.

Я спросил его, как писать "Эстанислао", записал на листке, добавив: "Он же Том-Том Кери", вызвал Томми Хауда и попросил, чтобы в архиве посмотрели, нет ли у нас чего на эту фамилию. Томми ушел с листком, а смуглый человек с растяжкой проговорил в дыму:

- Пока ваши люди раскапывают могилы, я объясню, зачем пришел.

- Нескладно как Пэдди погиб, - сказал я.

- Такие доверчивые долго не живут, - объяснил его брат. - Но такой уж он был человек... последний раз я его видел четыре года назад, тут, в Сан-Франциско. Я тогда вернулся из экспедиции в... неважно куда. Короче, я сидел на мели. Вместо жемчуга привез из поездки только пулевой шрам на бедре. А Пэдди был жирный, только что нагрел кого-то на пятнадцать тысяч. В тот день, когда мы встретились, он собирался на свидание и опасался тащить с собой такие деньги. И вот дает мне пятнадцать тысяч и просит поддержать до ночи.

Том-Том Кери выдул дым и мягко улыбнулся, мимо меня, своим воспоминаниям.

- Такой уж он был человек. Верил даже родному брату. А я в тот же день уехал в Сакраменто, оттуда - поездом на восток. Одна девочка в Питсбурге помогла мне

истратить эти пятнадцать тысяч. Лорел ее звали. Любила запивать ржаное виски молоком. И я с ней пил, покуда внутри у меня все не свернулось - на творог с тех пор смотреть не могу. Так, значит, за голову этого Пападопулоса назначили сто тысяч?

- И шесть. Страховые компании предложили сто тысяч, ассоциация банкиров - пять и город - тысячу.

Том-Том Кери бросил окурочок самокрутки в плевательницу и начал монтировать новую.

- А если я вам его доставлю? - спросил он. - Куда и куда разойдутся деньги?

- Здесь они не застрянут, - уверил я его. - Сыскное агентство "Континентал" наградных не берет и служащим брать не позволяет. Если полиция примет участие, они захотят долю.

- Но если нет, все - мои?

- Если возьмете его без посторонней помощи или только с нашей помощью.

- Возьму. - Он сказал это небрежно. - Так, с арестом ясно. Теперь насчет суда. Если его возьмут, это точно, что он там не отмотается?

- Должно-то быть точно, но он ведь предстанет перед присяжными, а тут все может случиться.

Мускулистая коричневая рука с коричневой сигаретой ответила на это беспечным жестом.

- Тогда, пожалуй, надо получить у него признание до того, как я его притащу, - предложил он не задумываясь.

- Так будет надежнее, - согласился я. - Вам стоило бы опустить кобурку сантиметров на пять. А то рукоять очень высок. Выпирает, когда садитесь.

- Ага. Вы - про тот, что под левой рукой. Снял его с одного человека, когда свой потерял. Ремень коротковат. Сегодня достану другой.

Вошел Томми с папкой: "Кери, Том-Том, 1361-К". Там были газетные вырезки, самые старые - десятилетней давности, самые свежие - восьмимесячной. Я прочел их, передавая по одной смуглому человеку. Тома-Тома Кери описывали как наемника, торговца оружием, браконьера по тюленям, контрабандиста и пирата. Но все это только предполагалось, допускалось и подозревалось. Его многократно задерживали, но ни по одному делу не осудили.

- Они ко мне несправедливы, - мирно пожаловался он, закончив чтение. - Например, что украл китайскую канонерку - так это не я виноват. Меня же вынудили - меня на пулю взяли. Товар к себе погрузили, а платить не

хотят. Я же не мог один выгрузить. Пришлось и канонерку взять, и все. А страховым компаниям этот Пападопулос, видно, очень нужен, если назначили сто тысяч.

- За такую поимку - недорого - ответил я - Может быть, газеты на него лишних собак навешали, но хватит и того, что есть на самом деле. Он собрал тут целую армию бандитов, захватил квартал в финансовом центре, ограбил два самых больших банка, отбился от всей городской полиции, ушел, потом улизнул от армии, с одними своими помощниками перебил других помощников - вот тут и вашему брату Пэдди досталось - потом с помощью Окуня Рива, Большой Флоры Брейс и Рыжего О'Лири убрал остальных помощников. И, учтите, это были не школьники, это были тертые ребята, вроде Бритвы Вэнса, Дрожащего Мальчика и Котелка Маклоклина - молодцы, которые знали, что к чему.

- Угу. - Кери остался невозмутим - А все-таки дело накрылось. Деньги вы отобрали, а сам он едва ноги унес.

- Ему не повезло - объяснил я - Выломился Рыжий О'Лири со своей любовью и фанаберией. Тут Пападопулос не виноват. Не думайте, что он дальше пяти не умеет считать. Он опасный человек, и страховые компании не зря решили, что будут спать спокойнее, если его поместят туда, где он не сможет устраивать пакости застраховавшимся у них банкам.

- Не очень много знаете об этом Пападопулосе, да?

- Да. - Я сказал правду. - И никто не знает. Эти сто тысяч сделали из половины воров в стране осведомителей. Они гоняются за ним не хуже, чем мы, - не только из-за денег, а из-за того надувательства. И знают о нем так же мало, как мы, - что он приложил руку еще к десятку дел, что он стоял за аферой Бритвы Вэнса с облигациями и что его враги имеют обыкновение умирать молодыми. Но никто не знает, откуда он взялся и где живет - когда живет дома. Не думайте, что я подаю его как Наполеона или какого-то стратега из воскресных приложений, но это хитрый, изобретательный старикан. Вы правильно сказали, я мало о нем знаю, но на свете много людей, о которых я мало знаю.

Том-Том Кери кивнул, показывая, что понял последнюю фразу, и стал сворачивать третью самокрутку.

- Когда я был в Ногалесе, Анжела Грейс Кардиган передала мне, что Пэдди убили - сказал он. - Это было с месяц назад. Она, наверное, думала, что я сразу понесусь сюда, а мне что, больше всех надо? Не к спеху. Но на прошлой неделе я прочел в газете, что за этого человека,

который, она сказала, виноват в смерти Пэдди, назначена награда. А это уже разница - в сто тысяч разница. И вот я мотнул сюда, поговорил с ней, а потом к вам пришел - узнать, не встанет ли кто между мной и деньгами, когда я заарканю вашего Папу-до-полу.

- Вас ко мне послала Анжела Грейс? - спросил я.

- Угу... только она этого не знает. Она помянула вас, когда рассказывала - сказала, что вы приятель Пэдди и хороший человек, хоть и сыщик, что спите и видите, как бы поймать Папу-до-полу. Я подумал: он-то мне и нужен.

- Когда вы уехали из Ногалеса?

- Во вторник на прошлой неделе.

- Это значит, - сказал я, покопавшись в памяти, - на другой день после того, как за границей убили Ньюхолла.

Смуглый человек кивнул. В лице его ничто не изменилось.

- Это случилось далеко от Ногалеса? - спросил я.

- Его застрелили около Окитоа, километрах в ста к юго западу от Ногалеса. Интересуетесь?

- Нет... просто подумал, что вы уехали оттуда, где его убили, на другой день и приехали туда, где он жил. Вы его знали?

- Мне показали его в Ногалесе: миллионер из Сан-Франциско отправляется с компанией покупать шахты в Мексике. Я решил: попозже попробую ему кое-что продать, но мексиканские патриоты добрались до него раньше меня.

- И тогда вы поехали на север?

- Этот шухер испортил мне коммерцию. У меня там было аккуратненькое дело... скажем так, с поставками через границу и обратно. После убийства все очень заинтересовались этой частью страны. И я решил: поеду сюда, получу сто тысяч, а там пока все уляжется. Честно, друг, не помню уже, сколько недель не убивал миллионера - если вы об этом волнуетесь.

- Это хорошо. Значит, насколько я понял, вы рассчитываете поймать Пападопулоса. Анжела Грейс вызвала вас, решив, что вы изловите его в отместку за убийство Пэдди, вас же интересуют деньги, поэтому вы намерены работать и со мной, и с Анжелой. Так?

- Точно.

- Вы понимаете, как она отнесется к тому, что вы связались со мной?

- Угу. Будет биться в падучей - щекотливая насчет связей с полицией, а?

- Да, кто-то однажды ей объяснил про воровскую честь, и она не может это выкинуть из головы. Ее брат отбывает срок на севере - его продал Джон Водопроводчик. Ее возлюбленного Пэдди расстреляли дружки. Открыло ей это глаза? Ничего подобного. Боже упаси помочь нам, пусть лучше Пападопулос гуляет на свободе.

- Не страшно, - успокоил меня Том-Том Кери. - Она думает, что я хороший брат - Пэдди вряд ли много обо мне рассказывал - и я с ней полажу. Вы за ней следите?

- Да, с тех пор как ее выпустили. Ее арестовали в один день с Флорой, Окунем и Рыжим, но у нас на нее ничего не было - просто подруга Пэдди, - и я договорился, чтобы ее отпустили. Какие она дала вам сведения?

- Обрисовала Папу-до-полу и Нэнси Риган, больше ничего. Она про них знает не больше меня. А эта Нэнси как сюда вписывается?

- Да никак - разве что выведет нас на Пападопулоса. Она была подругой Рыжего. Он пришел к ней на свидание и испортил всю обедню. А когда Пападопулос выкрутился, он взял с собой и девушку. Не знаю почему. К налету она непричастна.

Том-Том Кери свернул четвертую самокрутку, закурил и встал.

- Работаем на пару? - спросил он, взяв шляпу.

- Если вы доставите Пападопулоса, я добьюсь, чтобы вы получили все причитающееся вам, до цента, - ответил я. - И обещаю свободу рук - не буду мешать вам слишком пристальным наблюдением.

Он ответил, что согласен, сказал, что остановился в гостинице на Эллис-стрит, и ушел.

Я позвонил в контору покойного Тейлора Ньюхолла, и мне было сказано, что, если я хочу получить сведения о его деле, надо связаться с его загородной резиденцией, в нескольких милях к югу от Сан-Франциско. Министерский голос сообщил мне, что я разговариваю с дворецким и что встретиться мне надо с адвокатом Ньюхолла Франклином Эллертом. Я пошел к Эллерту в контору.

Это был раздражительный шепелявый старик с выпученными от давления глазами.

- Есть ли основания предполагать, - спросил я напрямик, - что убийство Ньюхолла - не просто выходка мексиканских бандитов? Могло ли быть, что его убили умышленно, а не просто в перестрелке с теми, кто хотел их

захватить?

Адвокаты не любят, чтобы их допрашивали. Этот брызгал слюной, строил мне гримасы, еще больше выпучивал глаза и, конечно, ответа не дал.

- То ешь? То ешь? - огрызнулся он. - Объясните, шер, что вы имеете в виду!

Он свирепо посмотрел на меня, потом на стол, дрожащими руками поворошил бумаги, словно отыскивая полицейский свисток. Я рассказал ему свое дело - рассказал про Том-Тома-Кери.

Еще немного побрызгав, Эллерт спросил:

- Что вы имеете в виду, черт возьми? - И устроил уже полный кавардак на столе.

- Ничего не имею в виду, - проворчал я в ответ. - Что имею, то и сказал.

- Да! Да! Понимаю! - Он перестал выпучивать на меня глаза, и голос у него сделался менее сварливым. - Но нет совершенно никаких оснований подозревать что-либо подобное. Шовершенно никаких, шэр, шовершенно!

- Может быть, и так. - Я повернулся к двери. - И все же я в этом немного покопаюсь.

- Подождите! Подождите! - Он вскочил с кресла и побежал вокруг стола ко мне. - Мне кажется, вы ошибаешься, но раз вы все равно будете рашшледовать, шообщайте мне, пожалуйста, о результатах. И лучше всего - берите ш меня ваш обычный гонорар и держите меня в курше дела. Шоглашны?

Я сказал, что согласен, вернулся к столу и начал его расспрашивать. По словам адвоката, в делах Ньюхолла не было ничего такого, что могло бы насторожить нас. Капитал его составляет несколько миллионов и в основном был вложен в шахты. Почти половину денег он получил в наследство. Никаких сомнительных сделок в прошлом, никаких незаконных претензий на чужие горные участки, никакого мошенничества, никаких врагов. Вдовец: единственная дочь. При жизни отца у нее было все, чего она только могла пожелать, и они очень любили друг друга. Он отправился в Мексику с группой горнопромышленников из Нью-Йорка, которые собирались продать ему там участки. На них напали бандиты, нападение отбили, но в перестрелке погибли Ньюхолл и геолог Паркер.

Вернувшись в контору, я составил телеграмму в наше лос-анджелесское отделение с просьбой послать в Ногалес агента и выяснить что можно об убийстве Ньюхолла и о делах Тома-Тома Кери. Сотрудник, которому я дал

зашифровать ее и отправить, сказал, что меня хочет видеть Старик. Я пришел к нему в кабинет, и он познакомил меня с маленьким круглым человеком по фамилии Хук.

- У мистера Хука, - сказал Старик, - ресторан в Сосалито. В прошлый понедельник он взял на работу официантку по имени Нелли Райли. Она сказала, что приехала из Лос-Анджелеса. По описанию мистера Хука ее приметы в точности совпадают с тем, как вы с Кониханом изобразили Нэнси Риган. Верно? - спросил он толстяка.

- Совершенно верно. В точности то, что я прочел в газетах. Рост - метр шестьдесят пять, среднего сложения, голубые глаза и каштановые волосы, лет двадцати двух или двадцати одного, красивая, но самое главное - фанаберия неслыханная, мнит о себе неизвестно что. Я тут попробовал перейти с ней как бы на более дружеские отношения - так она мне сказала: уберите ваши грязные лапы. А потом я выяснил, что она почти не знает Лос-Анджелеса, хотя говорит, что прожила там два или три года. Могу спорить, это она самая. - И дальше он стал интересоваться тем, сколько из обещанного вознаграждения придется на его долю.

- Вы сейчас туда отправляетесь? - спросил я его.

- Да, скоро. Мне тут надо зайти узнать кое о каких блюдах. А потом уже туда.

- Девушка будет на работе?

- Да.

- Тогда мы пошлем с вами человека - он знает Нэнси Риган.

Я вызвал Джека Конихана из комнаты оперативников и представил его Хуку. Они договорились встретиться через полчаса у паромы, и Хук вразвалочку ушел.

- Нэлли Райли не Нэнси Риган, - сказал я. - Но мы не можем пренебречь даже одним шансом из ста.

Я рассказал Джеку и Старiku и Томе-Томе Кери и о моем визите к Эллерту. Старик выслушал меня с обычной вежливой внимательностью, молодой Конихан, всего четыре месяца назад ставший охотником за людьми, - с широко раскрытыми глазами.

- Ты, пожалуй, беги на встречу с Хуком, - сказал я, закончив рассказ, и вместе с ним вышел из кабинета. - А если окажется, что она - Нэнси Риган, вцепись и не выпускай. - Старик уже не мог нас слышать, и я добавил: - И, ради бога, постарайся в этот раз не получить по зубам за свою юношескую галантность. Сделай вид, что ты взрослый.

Мальчишка покраснел, сказал: "Идите к черту!" - поправил галстук и отправился на свидание с Хуком.

Мне надо было написать несколько отчетов. Покончив с ними, я положил ноги на стол и, множа полости в пачке сигарет, до шести часов думал о Томе-Томе Кери. Потом я пошел в ресторан есть свой лангет и похлебку из морских ушек, а потом - домой, чтобы переодеться и закончить вечер в клубе за покером. Переодевание мое прервал телефонный звонок. Звоник Джек Конихан.

- Я в Сосалито. Девушка не Нэнси, но я набрел на кое-что другое. Не знаю, как быть дальше. Вы можете приехать?

- Дело стоит того, чтобы отказаться от покера?

- Да... по-моему, это важно. - Он был возбужден. - Хорошо бы вы приехали. По-моему, это в самом деле нить.

- Ты где?

- Тут, на пароме. Не в Золотых воротах, на другом.

- Ладно. Приеду с первым же паромом.

Часом позже я сошел с парома в Сосалито. Джек Конихан протолкался сквозь толпу и начал говорить:

- Когда я уже возвращался и пришел сюда...

- Подожди, пока выйдем из толпы, - остановил его я. - Должно быть, что-то потрясающее - восточный уголок твоего воротничка загнулся.

Пока мы шли к улице, он механически поправил эту деталь своего безупречного в остальном костюма, но даже не улыбнулся - его мысли были заняты чем-то другим.

- Сюда, - сказал он, заводя меня за угол. - Кафе Хука - на углу. Если хотите, можете сами взглянуть на девушку. Она такого же роста и масти, как Нэнси Риган, но и только. Стервоватая девчонка, с последней работы, наверно, уволили за то, что плюнула жвачкой в кастрюлю с супом.

- Хорошо. Значит, она отпала - так чем ты взволнован?

- Я посмотрел на нее и пошел обратно, на паром. Паром подвалил, когда я был еще квартала за два. Навстречу мне попались двое - наверно, только что сошли с него. Оба были греки, довольно молодые, уголовного вида, и в другой раз я вряд ли обратил бы на них внимание. Но поскольку Пападопулос грек, они нас сейчас интересуют, и я к ним присмотрелся. Они спорили о чем-то на ходу. Негромко, но смотрели друг на друга сердито. Когда они проходили мимо, тот, что шел ближе к обочине, сказал другому: "Я ему говорю, прошло двадцать девять дней"

Двадцать девять дней. Я подсчитал - ровно двадцать девять дней, как мы ищем Пападопулоса. Он грек, и эти ребята греки. Когда я кончил считать, я повернулся и пошел за ними. Они провели меня через весь город - и на горку, на окраине. Вошли в домик - три комнаты, самое большее, - который стоит на отшибе, посреди поляны в лесу. На нем вывеска: "Продается". Окна без занавесок, вид нежилой, но на земле перед черной дверью было мокрое место, как будто выплеснули ведро или кастрюлю воды.

Я сидел в кустах, пока не начало смеркаться. Тогда я подошел. Услышал разговор внутри, но через окна ничего не мог увидеть. Они были забиты досками. Немного погодя эти двое вышли, говоря что-то на непонятном языке тому, кто был в доме. Пока они уходили по тропинке, дверь оставалась открытой, и я не мог идти за ними - меня увидели бы из двери.

Потом дверь закрылась, и я услышал в доме шаги людей - а может быть, одного человека, запахло кухней, из трубы поднялся дым. Я ждал, ждал, но ничего больше не произошло, и тогда решил, что надо связаться с вами.

- Интересно, - согласился я.

Мы проходили под фанаром. Джек остановил меня, схватив за руку, и вытащил что-то из кармана пальто.

- Посмотрите! - Он протянул мне предмет. Обожженный лоскут синей материи. Это могли быть остатки женской шляпки, на три четверти сгоревшей. Я осмотрел лоскут под фонарем, потом зажег свой фонарик, чтобы изучить тщательнее.

- Я подобрал это за домом, пока там шнырял, - сказал Джек, - а...

- А на Нэнси Риган в ту ночь, когда она исчезла с Пападопулосом, была шляпка такого же цвета, - закончил я за него. - Пошли к домику.

Уличные огни остались позади, мы поднялись на горку, спустились в небольшую долину, свернули на извилистую песчаную тропу, с нее по траве под деревьями перебрались на грунтовую дорогу, прошагали по ней чуть меньше километра, а потом Джек повел меня по узкой тропинке, петлявшей в черной чаше кустов и мелких деревьев. Я засомневался в том, что он помнит дорогу.

- Почти пришли, - прошептал он мне.

Из кустов выскочил человек и схватил меня за горло.

Руки у меня были в карманах пальто - одна на фонаре, другая на револьвере.

Я повернул револьвер в кармане дулом к напавшему - нажал спуск.

Выстрел погубил мое семидесятипятидолларовое пальто. Но человек отпустил мое горло.

Очень кстати. Другой человек бросился на меня сзади.

Я пытался вывернуться - не преуспел... почувствовал на спине лезвие ножа.

Это уже было некстати - но все же лучше, чем острие ножа.

Я попытался ударить его затылком в лицо - не попал, продолжал извиваться и вертеться, наконец вытащил руки из карманов и схватил его.

Лезвие ножа плашмя прижалось к моей щеке. Я поймал руку, державшую нож, повалился на спину - он подо мной.

Он сказал:

- Ой!

Я перевернулся, встал на четвереньки, кулак смазал меня по лицу, и я вскочил.

В лодыжку мне вцепились пальцы.

Я повел себя неспортивно. Я ударил по пальцам ногой - нашел тело человека - ударил ногой два раза, сильно.

Голос Джека шепотом произнес мое имя. Я не видел его в темноте и не видел того, в кого выстрелил.

- Тут все нормально, - сказал я Джеку, - как ты?

- Высший класс. Это все?

- Не знаю, но рискнем поглядеть, кого я поймал.

Я направил фонарь на человека, лежавшего у меня в ногах, и включил. Худой блондин с окровавленным лицом, он изображал жука-притворяшку и красные веки его дрожали в луче фонаря.

- Не валяй дурака! - приказал я.

В кустах грохнул крупнокалиберный пистолет... и другой, полегче. Пули прошили листву.

Я выключил свет, наклонился к лежавшему, ударил его по макушке пистолетом.

- Пригнись ниже, - шепнул я Джеку.

Меньший пистолет снова выстрелил, два раза. Где-то впереди, слева. Я сказал Джеку на ухо:

- Мы пойдем в домик, даже если они против. Держись ниже и не стреляй, пока не увидишь, куда стрелять. Вперед.

Пригибаясь к земле, я двинулся за Джеком по тропинке. Порез на согнутой спине натянулся, и от лопаток

почти до пояса меня обожгло болью. Я чувствовал, что кровь стекает по бедрам, или так мне казалось.

В этой тьме красться было невозможно. Что-то трещало под ногами, шуршало вокруг плеч. Наши друзья в кустах пистолетов не студили. К счастью, хруст веточек и шуршание листьев в кромешном мраке - не лучшие ориентиры. Пули взвизгивали там и сям, но в нас не попадали. Мы не отвечали на огонь. Мы остановились у кромки кустарника, где ночь разжижилась до серого.

- Здесь. - Джек показал на прямоугольную тень впереди.

- Ходу, - буркнул я и бросился к темному дому.

Длинноногий Джек легко нагнал меня, пока мы бежали по поляне.

Из-за черного дома выглянула тень человека, и его пистолет замигал нам. Выстрелы шли один за другим так часто, что слились в прерывистый грохот.

Поташив с собой Джека, я плюхнулся на землю и прижался к ней плашмя, если не считать того, что лицо мое остановила зазубренная консервная банка.

С другой стороны дома закашлял другой пистолет. Из-за дерева справа - третий. Мы с Джеком тоже стали тратить порох.

Пуля набросала мне в рот грязи и камушков. Я выплюнул грязь и предупредил Джека:

- Высоко бьешь. Возьми ниже и на спуск жми плавно.

В черном профиле дома образовался горбик. Я послал туда пулю.

Мужской голос вскрикнул:

- О-о-ой! - А потом тише, но с большим огорчением: - Сволочь... сволочь!

Несколько горячих секунд пули шлепали вокруг нас. Потом ночь стихла, и тишина ее не нарушалась ни звуком.

После пяти минут затишья я встал на четвереньки и пополз вперед, Джек за мной. Почва была не приспособлена для такого передвижения. Трех метров нам хватило. Мы поднялись и оставшееся расстояние прошли как люди.

- Подожди, - шепнул я и, оставив Джека возле угла, обошел домик кругом: никого не увидел, ничего не услышал, кроме звуков, которые издавал сам.

Мы попробовали парадную дверь. Заперта, но хлипкая. Я вышиб ее плечом и вошел, фонарь в одной руке, револьвер - в другой.

Дом был пуст. Ни мебели, ни людей, ни следов их в двух других комнатах - только голые дощатые стены, голый

пол, голый потолок с дымоходом, ни к чему не присоединенным.

Стоя посреди комнаты и оглядывая пустоту, мы с Джеком проклинали эту дыру от крыши до фундамента. Не успели мы кончить, как за дверью послышались шаги, в раскрытую дверь ударил белый луч света и надтреснутый голос сказал:

- Эй! Выходите по одному - и без фокусов!

- Кто это говорит? - спросил я, выключив фонарь и отступив к боковой стене.

- Целая стая помощников шерифа, вот кто, - ответил голос.

- Можете просунуть к нам одного, чтобы мы посмотрели? - спросил я. - Меня сегодня столько раз душили, резали и обстреливали, что уже ничьим словам неохота верить.

В двери появился долговязый человек с худым задубелым лицом и иксообразными ногами. Он показал мне бляху, я вытащил свою карточку, и тогда вошли остальные помощники. Всего их было трое.

- Мы ехали по мелкому делу в сторону мыса и услышали стрельбу, - объяснил долговязый. - Что происходит?

Я рассказал ему.

- Дом давно пустует, - сказал он, когда я кончил. - Тут кто угодно мог поселиться. Думаете, это Пападопулос, да? Будем поглядывать, может, его, а может, его друзей заметим - тем более, обещаны такие деньги.

Мы поискали в лесу и никого не нашли. И тот, с которым я боролся, и тот, в которого стрелял, - оба исчезли. Мы с Джеком доехали до Сосалито с помощниками шерифа. Там я отыскал врача, и мне забинтовали рану. Врач сказал, что порез длинный, но не глубокий. Потом мы вернулись в Сан-Франциско и разошлись по домам.

Так кончился этот день.

А вот что случилось на другое утро. Я этого не видел. Я услышал об этом около полудня, а ближе к вечеру прочел в газетах. Тогда я еще не знал, что меня это лично касается, но позже узнал - и расскажу по порядку.

В десять часов утра на людную Маркет-стрит спотыкаясь вышел человек, голый от разбитой макушки до окровавленных пяток. С его голой груди, спины и боков свисали узкие ленточки мяса, сочившегося кровью. Левая

рука была сломана в двух местах. Левая сторона лысого черепа вдавлена. Часом позже он умер в больнице "скорой помощи" - не сказав никому ни слова и все с тем же отсутствующим выражением в глазах.

Полиция без труда прошла назад по следу из кровавых капель. Он кончился красным пятном перед маленькой гостиницей в переулке рядом с Маркет-стрит. В гостинице полиция нашла комнату, откуда выпрыгнул, упал или был выброшен этот человек. Постель, пропитанная кровью. На ней - разорванные, скрученные и завязанные узлами простыни, служившие веревкой. Кроме того, полотенце, которым пользовались как кляпом.

Судя по находкам, голому человеку заткнули рот, связали его и стали обрабатывать ножом. Врач сказал, что ленты на теле вырезаны, а не вырваны. Когда орудовавший ножом ушел, голый человек вывернулся из пут и, вероятно, обезумев от боли, выпрыгнул или выпал из окна. При ударе о землю он проломил себе череп и сломал руку и тем не менее сумел пройти еще полтора квартала.

Администратор гостиницы сказал, что человек прожил здесь два дня. Поселился под именем Х.Ф.Барроуз. У него был черный саквояж, где помимо одежды, бритвенных принадлежностей и прочего полицейские нашли коробку патронов 9,65 мм, черный платок с прорезанными отверстиями для глаз, четыре отмычки, форму, шприц с морфием. Кроме того, в комнате была еще одежда, револьвер 9,65 мм и две бутылки спиртного. Денег не нашли ни цента.

Полицейские предположили, что Барроуз был взломщиком и что его связали, ограбили и пытали, возможно, сообщники, между восемью и девятью часами утра. Никто о нем ничего не знал. Никто не видел у него гостя или гостей. Соседняя комната слева пустовала. Жилец из комнаты справа ушел на работу, на мебельную фабрику, до семи утра.

Пока все это происходило, я сидел у себя в кабинете, подавшись к столу, чтобы не тревожить спину, и читал отчеты, из которых явствовало, что агенты в местных отделениях сыскного агенства "Континентал" - по-прежнему ничего не могут выяснить о прошлом, настоящем и будущем местопребывании Пападопулоса и Нэнси Риган. Никаких новых данных в этих отчетах не было - я читал подобные уже три недели.

Обедать мы пошли вместе со Стариком, и за едой я рассказал ему о ночных похождениях в Сосалито.

Лицо доброго дедушки было, как всегда, внимательным, улыбка вежливой и заинтересованной, но когда я дошел до середины рассказа, он перевел кроткие голубые глаза с моего лица на свой салат и не сводил их с салата, покуда я не закончил. Тогда, по-прежнему не поднимая глаз, он выразил мне сочувствие в связи с тем, что меня порезали. Я поблагодарил его, и мы продолжали есть.

Наконец он на меня посмотрел. Кроткие и любезные интонации голоса, выражение лица и глаз, которыми он прикрывал свое бессердечие, - все было на месте.

- Итак, первое свидетельство того, что Пападопулос еще жив, мы получили сразу после приезда Тома-Тома Кери. Теперь уже я отвел глаза.

Я посмотрел на булочку, которую только что разломил, и сказал:

- Да.

К концу дня мне позвонила женщина из района Миссии - она наблюдала ряд весьма таинственных происшествий и была уверена, что они как-то связаны со знаменитым налетом. Я поехал к ней и, проведя там почти весь конец дня, выяснил, что половина ее происшествий - воображаемые, а вторая понадобилась этой ревнивой жене для того, чтобы разузнать о делишках мужа.

В агентство я вернулся только к шести. Через несколько минут мне позвонил Дик Фоули. Зубы у него стучали так, что я едва разбирал слова.

- М-м-можете п-п-приехать в-в-п-п-ртовую бах-хальницу?

- Что?- спросил я и услышал то же самое, если не хуже. Но тут я уже сообразил, что он просит меня приехать в портовую больницу.

Я сказал, что буду через десять минут и, поймав такси, поехал.

Маленький канадец встретил меня в дверях больницы. Волосы и одежда у него были совершенно мокрые, но он уже выпил виски, и зубы у него перестали стучать.

- Идиотка бросилась в залив! - рявкнул он, словно это была моя вина.

- Анжела Грейс?

- А за кем же я ходил? Поднялась на оклендский паром. Отошла в сторонку, к поручням. Думал, хочет что-то выбросить. Смотрю за ней. Оп! Прыгает. - Дик чихнул. - Я,

дурак такой, прыгнул за ней. Держал на воде. Нас выудили.
- Там. - Он кивнул мокрой головой в сторону вестибюля.

- Что происходило до того, как она поднялась на паром?

- Ничего. Целый день дома. Оттуда на паром.

- А вчера, например?

- Весь день в квартире. Вечером - с мужчиной. Придорожный ресторан. В четыре - дома. Нескладно. За ним не смог проследить.

- Какой он с виду?

По описанию Дика это был Том-Том Кери.

- Хорошо, - сказал я. - Давай-ка домой, прими горячую ванну и переоденься в сухое. - Я пошел посмотреть на несостоявшуюся самоубийцу.

Она лежала навзничь, уставясь в потолок. Лицо у нее было бледное - впрочем, как всегда, - и зеленые глаза ее глядели не угрюмее обычного. Если не считать того, что ее короткие волосы потемнели от воды, с ней, казалось, не произошло ничего чрезвычайного.

- Странные фокусы ты устраиваешь, - сказал я, когда подошел к кровати.

Она вздохнула от неожиданности, рывком повернулась ко мне. Тут она узнала меня и улыбнулась - улыбка вернула ее лицу привлекательность, обычно скрытую угрюмым выражением.

- Подкрадываетесь к людям, чтобы навек не потерять? - спросила она. - Кто вам сказал, что я здесь?

- Об этом все знают. Твои фото - на первых страницах всех газет, и твоя биография, и что ты сказала принцу Уэльскому.

Она перестала улыбаться и пристально на меня посмотрела.

- Поняла! - воскликнула она через несколько секунд. - Этот недомерок, который за мной прыгнул, - ваш агент, следить послали. Так или нет?

- Я не знал, что за тобой прыгать надо, - ответил я. - Я думал, ты купалась и сама приплыла к берегу. Тебе не хотелось на сушу?

Она не улыбнулась. Ее глаза уставились на что-то ужасное.

- Ох! Ну чего ко мне все лезут? - прохныкала она и поежилась. - Гнусная штука - жизнь.

Я сел на стульчик возле белой кровати и погладил ее по плечу, закрытому простыней.

- В чем дело? - Я сам удивился тому отеческому тону, каким мне удалось это произнести. - Почему ты хотела умереть, Анжела?

Слова, просившиеся наружу, блеснули у нее в глазах, тревожили лицевые мышцы, кривили рот - но и только. Те слова, которые она произнесла, прозвучали равнодушно, но с какой-то неохотной решительностью.

- Нет. Вы сыщик. Я воровка. Мне к вам дороги нет. Никогда про меня не скажут...

- Ладно! Ладно! - Я сдался. - Только, ради бога, не заставляй меня снова слушать этические рассуждения. Я могу тебе чем-нибудь помочь?

- Нет, спасибо.

- Ты ничего не хочешь мне сказать?

Она покачала головой.

- Ты себя лучше чувствуешь?

- Да. За мной следили? Иначе вы бы не узнали так быстро.

- Я сыщик - я все знаю. Не балуйся.

Из больницы я пошел во Дворец юстиции, в бюро уголовного розыска. За столом капитана сидел лейтенант Дафф. Я рассказал ему о том, как Анжела бросилась в воду. Когда я закончил, он спросил:

- Есть предположение, почему она так поступила?

- Она с большим заскоком, не поймешь. Пусть ее заберут за бродяжничество.

- Ну? Я думал, вы хотели ее выпустить, чтобы потом ловить.

- Эта затея себя исчерпала. Попробуем посадить ее на двадцать суток. Большая Флора ждет суда. Анжела знает, что Флора была среди тех, кто убил ее Пэдди. А Флора, может быть, не знает Анжелу. Посмотрим, что может выйти за месяц их сожительства.

- Это можно, - согласился Дафф. - У Анжелы нет видимых средств существования, и нечего ей прыгать в общественные заливы. Я передам куда следует.

Из Дворца юстиции я пошел в гостиницу на Эллистрит, где остановился Том-Том Керри. Его не было. Я передал, что вернусь через час, и потратил этот час на еду. Когда я вернулся в гостиницу, высокий смуглый человек сидел в вестибюле. Он отвел меня к себе в номер и угостил джином, апельсиновым соком и сигарами.

- Анжелу Грейс видели? - спросил я.

- Да, вчера вечером. Ходили по кабакам.

- Сегодня ее видели?

- Нет.
- Сегодня под вечер она бросилась в залив.
- Да бросьте. - Он как будто слегка удивился. - И что?
- Ее выловили. Ничего страшного.

Тень, мелькнувшая в его глазах, могла выражать и легкое разочарование.

- Девочка со странностями, - заметил он. - Не скажу, что Пэдди проявил плохой вкус, когда ее подобрал, но она чудачка!

- Как идет охота на Пападопулоса?

- Идет. А вы зря нарушаете слово. Вы мне почти обещали, что за мной не будет хвоста.

- У меня есть начальство, - извинился я. - Иногда я хочу не того, чего оно хочет, но вам это не должно особенно мешать - вы же можете потерять его?

- Угу. Этим и занимаюсь. Но страшно надоедает; вскакиваешь в такси, выскакиваешь, убегаешь через черный ход...

Мы говорили и пили еще несколько минут, а потом я покинул номер Кери и гостиницу, пошел в аптеку, позвонил из автомата Дику Фоули домой, дал ему адрес смуглого человека и описал внешность.

- Дик, мне не надо, чтобы ты следил за Кери. Выясни, кто пытается за ним следить, и того возьми под наблюдение. До утра просохнуть успеешь и приступай.

Так кончился этот день.

Утро было дождливое и пробуждение неприятное. Может быть, из-за погоды; может быть, я чересчур порезвился накануне; так или иначе, порез на спине ощущался как полуметровый нарыв. Я позвонил доктору Канова, жившему подо мной, и попросил осмотреть рану перед уходом на работу. Он сменил повязку и велел мне денька два не перетруждаться. После того как он поковырялся в спине, мне стало легче, но я позвонил в агентство и сказал Старику, что, если ничего волнующего не произойдет, я побуду сегодня на положении больного.

Весь день я просидел в кресле перед газовым камином с чтением и сигаретами, то и дело гасшими из-за сырости. Вечером я по телефону организовал компанию для покера, но больших переживаний в игре не выпало на мою долю - ни в отрицательном смысле, ни в положительном. Кончил я с пятнадцатью долларами выигрыша, что было на

пять долларов меньше, чем стоимость выпивки, которую я поставил моим гостям.

На другой день спине моей стало лучше - да и сам день тоже. Я отправился в агентство. На столе у меня лежала записка: звонил Дафф - Анжела Грейс Кардиган арестована за бродяжничество, месяц тюрьмы. Лежала и привычная стопка отчетов из разных отделений - их агенты по-прежнему не могут напасть на след Пападопулоса и Нэнси Риган. Пока я листал их, вошел Дик Фоули.

- Засек его, - доложил он. - Тридцать - тридцать два года. Метр шестьдесят восемь. Пятьдесят восемь - пятьдесят девять кило. Светлый, песочные волосы. Глаза голубые. Лицо худое, ободрано. Пакость. Живет в мебелишках на седьмой улице.

- Что он делал?

- Хвостом за Кери один квартал. Кери стряхнул его. Искал Кери до двух ночи. Не нашел. Домой. Следить дальше?

- Ступай в его клоповник и узнай, кто он.

Маленький канадец ушел на полчаса.

- Сэм Арли, - сказал он вернувшись. - Здесь - шесть месяцев. Якобы парикмахер - когда работает, - если вообще работает.

- У меня насчет Арли две догадки, - сказал я Дику. - Первая: это он порезал меня позавтраканной ночью в Сосалито. Вторая: с ним что-то случится.

Тратить слова понапрасну было не в правилах Дика, и он ничего не ответил.

Я позвонил в гостиницу Тома-Тома Кери и вызвал его к телефону.

- Приходите сюда, - пригласил я смуглого человека. - У меня для вас новости.

- Сейчас, только оденусь и позавтракаю, - пообещал он.

- Когда Кери уйдет отсюда, пойдешь за ним, - сказал я Дику, повесив трубку. - Теперь если Арли за него зацепится, может получиться дело. Постарайся его увидеть.

Затем я позвонил в бюро уголовного розыска и условился с сержантом Хантом зайти на квартиру к Анжеле Грейс Кардиган. После этого я занялся бумажками, а немного позже Томми объявил, что пришел смуглый человек из Ногалеса.

- Этот жук, который следит за вами, - сообщил я ему, когда он сел и начал изготавливать самокрукту, -

парикмахер по фамилии Арли. - И я сказал ему, где живет Арли.

- Да. С худым лицом, блондинчик?

Я воспроизвел портрет, данный Диком.

- Он самый, - сказал Том-Том Кери. - Что-нибудь еще о нем знаете?

- Нет.

- Вы посадили Анжелу Грейс.

Это не было ни вопросом, ни обвинением, поэтому я не ответил.

- Также неплохо, - продолжал высокий человек. - Мне все равно пришлось бы от нее отделаться. Когда я начну его арканить, она со своей дуростью будет только путаться под ногами.

- И сколько это будет?

- Это зависит от того, как получится. - Он встал, зевнул и расправил широкие плечи. - Но кто решит не есть, покуда я его не поймаю, тот от голода не умрет. Зря я упрекнул вас, что вы за мной следите.

- Ничего, переживу.

- Пока, - сказал Том-Том Кери и лениво вышел вон.

Я поехал во Дворец юстиции, забрал там Ханта, и мы вместе отправились в меблированные комнаты на Буш-стрит, где жила Анжела Грейс Кардиган. Управляющая - сильно надушенная толстуха с женским ртом и мягким взглядом - уже знала, что ее жилища за решеткой. Она с готовностью отвела нас в квартиру девушки.

Хозяйкой Анжела оказалась неважной. В комнате было чисто, но все вверх дном. Раковина в кухне полна грязной посуды. Складная кровать застелена кое-как и даже хуже. Одежда и мелкие женские принадлежности висели повсюду от ванной до кухни.

Мы спровадили управляющую и основательно обыскали квартиру. Узнали все, что можно, о гардеробе Анжелы и многое о ее привычках. Но ничего указывающего в сторону Пападопулоса не нашли.

Никаких известий о тандеме Кери - Арли ни в конце дня, ни к вечеру я не получил, хотя ждал звонка Дика с минуты на минуту.

В три часа ночи телефон на тумбочке оторвал мое ухо от подушки. Я услышал голос маленького канадца.

- Арли выбыл, - сказал он.

- Насовсем?

- Да.

- Как?

- Со свинцом.
- Нашего приятеля?
- Да.
- До утра терпит?
- Да.
- Увидимся в конторе. - И я опять уснул.

Я пришел в агентство в девять часов, и один из служащих только что кончил расшифровывать ночной отчет лос-анджелесского агента, посланного в Ногалес. Телеграмма была длинная и давала пищу уму.

В ней говорилось, что Тома-Тома Кери на границе хорошо знают. Около полугода он занимался перевозками через нее: оружия - на юг, алкоголя и, возможно, наркотиков и иммигрантов на север. Перед отъездом на прошлой неделе он наводил справки о некоем Хенке Барроузе. Приметы этого Хэнка Барроуза совпадали с приметами Х.Ф.Барроуза, разрезанного на ленточки, выпавшего из окна гостиницы и умершего.

Лос-анджелесскому агенту не удалось собрать много сведений о Барроузе - только что он явился из Сан-Франциско, пробыл на границе всего несколько дней и, по-видимому, в Сан-Франциско отбыл. Ничего нового об убийстве Ньюхолла агент не выяснил все данные указывали на то, что его пытались захватить мексиканские патриоты, он оказал сопротивление и был убит.

Пока я читал это, в кабинет вошел Дик Фоули. Когда я закончил, он дополнил жизнеописание Тома-Тома Кери своими данными.

- Провожал его отсюда. В гостиницу. Арли на углу. Восемь часов, Кери вышел. Гараж. Прокатная машина без шофера. Обрато в гостиницу. Выписался. Два чемодана. Через парк. Арли за ним на драндулете. Моя телега - за Арли. По бульвару. За городом - на поперечную дорогу. Темно. Арли жмет на газ. Нагоняет. Трах! Кери тормозит. Стреляют оба. Арли выбыл. Кери назад в город. Гостиница "Маркиз". Записывается Джордж Ф.Дэнби, Сан-Диего. Комната шесть-два-два.

- Том-Том обыскал Арли, когда застрелил?
- Нет. Не притронулся.

- Вот как? Возьми с собой Мики Линехана. Не спускай с Кери глаз. Если смогу, вечером пришло когонибудь сменить вас с Мики, но он должен быть под наблюдением двадцать четыре часа в сутки, до тех пор, пока... - Я не знал, до каких пор, и поэтому замолчал.

С новостями Дика я отправился в кабинет к Старiku, изложил их там и закончил:

- По словам Дика, Арли выстрелил первым, так что для Кери это будет самообороной, но дело наконец сдвинулось с мертвой точки, и я ни в коем случае не хочу его замедлять. Поэтому денек - другой нам лучше не рассказывать, что мы знаем об этой перестрелке. Если окружному шерифу станет известно, как мы себя ведем, это нашей дружбы не укрепит, но, по-моему, игра стоит свеч.

- Как вам угодно, - согласился Старик, протягивая руку к звонившему телефону.

Он сказал два слова в трубку и передал ее мне. Звонил сержант Хант:

- Флора Брейс и Грейс Кардиган перед рассветом бежали из тюрьмы. Очень может быть, что они...

Подробности меня сейчас не занимали.

- Исчезли бесследно? - спросил я.

- Пока что никакой ниточки нет, но...

Подробности расскажешь, когда увидимся. Спасибо. - И я повесил трубку. - Анжела Грейс и Большая Флора бежали из городской тюрьмы, - сообщил я Старiku.

Он вежливо улыбнулся, как будто это мало его касалось.

- Вы радовались тому, что дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки, - пробормотал он.

Расправив лицо и улыбнувшись, я буркнул: "Может быть", ушел к себе в кабинет и позвонил Франклину Эллерту. Шепелявый адвокат сказал, что будет рад меня видеть, и я отправился к нему в контору.

- Итак, что нового вы можете мне сообщить? - с нетерпением спросил он, когда я уселся перед его столом.

- Кое-что. Человек по фамилии Барроуз тоже был в Ногалесе во время убийства Ньюхолла и тоже сразу после этого приехал в Сан-Франциско. Кери выследил здесь Барроуза. Вы читали о том, как по улице шел голый изрезанный человек?

- Да.

- Это был Барроуз. Затем в игру вступает новый человек - парикмахер Арли. Он следил за Кери. Вчера вечером на пустынной дороге южнее города Арли стрелял в Кери. Кери убил его.

Глаза старого адвоката выкатились еще на сантиметр.

- На какой дороге? - задыхаясь спросил он.

- Вам точно назвать место?

- Да!

- Я подтянул к себе его телефон, позвонил в агентство, попросил прочесть отчет Дика и назвал адвокату место.

Это произвело на него впечатление. Он вскочил с кресла. Морщины на его лице блестели от пота.

- Мисс Ньюхолл там одна! Это мешто меньше, чем в километре от ее дома!

Я нахмурился и постучал полушариями друг об дружку, но ни к какому выводу не пришел.

- А если я пошлю человека присмотреть за ней? - предложил я.

- Великолепно! - Его встревоженное лицо разгладилось, так что на нем осталось не больше пятидесяти или шестидесяти морщин.

- Ей хочется там побыть одной после смерти отца, наедине со своим горем. Вы пошлете надежного человека?

- По сравнению с ним Гибралтарская скала - осиновый листок на ветру. Дайте мне для него рекомендательную записку. Его зовут Эндрю Макэлрой.

Пока адвокат писал записку, я снова позвонил в агентство и попросил телефонистку разыскать Энди и сказать ему, что он мне нужен. Перед тем как вернуться в агентство, я пообедал. Энди уже ждал меня на месте.

Энди Макэлрой был человек-валун, не очень высокий, но почти квадратный и крепкий - как в смысле физического, так и в смысле лба. Угрюмый суровый мужчина с воображением арифмометра. Я даже не уверен, что он умел читать. Но я был уверен, что, если Энди прикажут что-то сделать, он сделает это и ничего другого. Другого он придумать не сможет.

Я дал ему записку адвоката для мисс Ньюхолл, сказал, куда ехать и что делать, и с этой минуты о мисс Ньюхолл мог уже не заботиться.

Трижды в конце дня я получал донесения от Дика Фоули и Мики Линехана. Том-Том Кери ничего выдающегося не предпринимал, хотя купил в спортивном магазине на Маркет-стрит две коробки патронов 11,17 мм.

В вечерних газетах появились фотографии Большой Флоры Брейс и Анжелы Грейс Кардиган с заметками об их побеге. Факты в них выглядели так же неправдоподобно, как всегда выглядят в газетных заметках. На другой странице сообщалось, что в глухом месте, на дороге найден убитый парикмахер. Прострелены голова и грудь - в общей сложности четыре пули. По мнению окружных властей, он погиб, сопротивляясь грабителям, но бандиты бежали, ничего не взяв.

В пять часов в дверь заглянул Томми Науд:

- К вам опять этот Кери.

- Давай его сюда, - сказал я веснушчатому парню.

Смуглый человек вошел не торопясь, сказал: "Привет", сел и свернул коричневую самокрутку.

- У вас на вечер особенных дел нет?- спросил он закурив.

- Таких, чтобы не отложить их ради чего-то лучшего, нет. Гостей собираете?

- Угу. Надумал. Только не гостей, а в гости к Папе-до-полу. Поедете со мной?

Настал мой черед сказать:

- Угу.

- Я подберу вас в одиннадцать - на углу Ван-Несс и Гири, - с растяжкой сказал он. - Только компания будет тесная: вы и я... и он.

- Нет, с нами должен быть еще один. Я его приведу.

- Мне это не нравится. - Том-Том Кери медленно покачал головой и благодушно нахмурился, не вынимая изо рта самокрутку. Вас, сыщиков, получается больше. Должно быть один на один.

- Нас не получится больше, - объяснил я. - Этот фрукт, которого я беру, - ни на моей стороне, ни на вашей. И вам не повредит, если будете присматривать за ним так же внимательно, как я, - постарайтесь, если можно, чтобы он не оказался ни у вас, ни у меня за спиной.

- Тогда на кой вы его тащите?

- Колесики в колесиках, как сказано в Писании. - Я улыбнулся.

Смуглый человек опять нахмурился, уже не так дружелюбно.

- Сто шесть тысяч долларов награды - я ни с кем делиться не намерен.

- Справедливо, - согласился я. - Кого я приведу, требовать долю не будет.

- Поверю вам на слово. - Он встал. - Так мы должны приглядывать за этим малым, да?

- Если хотим, чтоб все прошло благополучно.

- Положим, он станет мешать нам, валять дурака. Мы его можем делать или только скажем: "Бяка! Бяка!"?

- Ему тоже придется рисковать.

- Годится. - Его жестокое лицо опять стало добродушным, когда он повернулся к двери. - В одиннадцать на углу Ван-Несс и Гири.

Я вошел в комнату оперативников, где, развалясь в кресле, Джек Конихан читал журнал.

- Надеюсь, вы придумали для меня какое-нибудь дело, - приветствовал он меня. - У меня пролежни от этого кресла.

- Терпение, сынок, терпение - вот чему надо учиться, если хочешь стать сыщиком. Мне, например, когда я был парнишкой твоих лет и только поступил в агентство, мне повезло...

- Ой, не надо опять, - взмолился он. Но тут же его миловидное лицо стало серьезным. - Не понимаю, почему вы держите меня на насесте. Кроме вас, я единственный, кто хорошенько разглядел Нэнси Риган. Казалось бы, вы меня должны послать на розыски.

- То же самое я сказал Старику, - сочувственно ответил я. Но он боится тобой рисковать. Он говорит, что за все пятьдесят лет слежки он никогда не видел такого красивого агента, вдобавок модника, светского мотылька и наследника миллионов. Он считает, что мы должны беречь тебя как рекламный образчик и не подвергать...

- Идите к черту! - Джек покраснел.

- Но я убедил его, и на сегодня он разрешил вынуть тебя из ваты, - продолжал я. - Поэтому встречай меня на углу Ван-Несс и Гири без чего-нибудь одиннадцать.

- Дело? - Он весь был нетерпение.

- Может быть.

- Что будем делать?

- Захвати свою хлопушку. - В голову мне пришла мысль, и я ее выразил вслух. - И пожалуй, нарядись как следует - вечерний костюм.

- Смокинг?

- Нет, торжественнее - все, кроме цилиндра. Теперь о твоём поведении: ты не агент. Я не вполне себе представляю, кто ты, но это не имеет значения. С нами будет Том-Том Кери. Веди себя так, как будто ты не мой друг и не его - как будто нам обоим не доверяешь. Мы с тобой будем осторожничать. Если что-то спросят, а ты не знаешь ответа, прячься за враждебностью. Но на Кери чересчур не наваливайся. Понял?

- Кажется... да. - Он говорил медленно, наморщив лоб. - Я должен вести себя так, как будто еду с вами по одному делу, но в остальном мы не друзья. Так?

- Точно. Держи ухо востро. Ты всю дорогу будешь плавать в нитроглицерине.

- Что затевается? Будьте человеком, намекайте хотя бы.

Я ухмыльнулся ему снизу. Он был гораздо выше меня.

- Мог бы, - признался я, - но боюсь, что это тебя отпугнет. Так что лучше я ничего не скажу. Радуйся жизни, пока можешь. Пообедай как следует. Многие приговоренные, кажется, любят позавтракать яичницей с ветчиной перед тем, как их поведут к веревке. На обед тебе, наверно, этого не захочется, но...

Без пяти одиннадцать Том-Том Кери подъехал в большой открытой машине к углу, где мы с Джеком ждали его в тумане, облежавшем нас, как влажная шуба.

- Залезайте, - велел он, когда мы подошли к мостовой.

Я открыл переднюю дверь и знаком пригласил Джека. Он начал свой маленький спектакль: ответив мне холодным взглядом, открыл заднюю дверь.

- Я сяду сзади, - сказал он без обиняков.

- Здоровая мысль. - И я уселся рядом с ним.

Кери обернулся на сиденье, и они с Джеком долго смотрели друг на друга. Я ничего не сказал, не познакомил их. Закончив разглядывать парня, смуглый человек перевел взгляд с его воротничка и галстука - фрак был виден из-под пальто - на меня, ухмыльнулся и протянул:

- Ваш друг в ресторане подает?

Я рассмеялся, потому что негодование, от которого потемнело лицо Джека и даже открылся рот, было натуральным, а не наигранным. Я толкнул его ногой. Он закрыл рот, ничего не сказал, посмотрел на Тома-Тома Кери и на меня, словно мы были представителями какого-то низшего вида животных.

Я улыбнулся Кери и спросил:

- Мы ждем, когда нам подадут бензин?

Он сказал, что нет, перестал разглядывать Джека и тронулся с места. Мы проехали через парк, по бульвару. Машины - и встречные, и шедшие впереди - возникали из ночного тумана и снова растворялись. Наконец город остался позади, туман рассеялся, и дорогу залил лунный свет. Я не оглядывался назад, но знал, что где-то там едет Дик Фоули с Мики Линеханом.

Том-Том Кери свернул с бульвара на дорогу, ровную и хорошую, но малоезжую.

- Не здесь ли где-то убили вчера человека ночью? - спросил я. Кери кивнул не повернув головы, а когда мы проехали еще с полкилометра, сказал:

- Вот здесь.

Теперь мы ехали чуть медленнее, и Кери выключил фары. По дороге, наполовину серебряной от луны, наполовину серой от тени, километра полтора машина едва ползла. Мы остановились под высокими кустами, затенявшими часть дороги.

- Все на берег, кому сходить, - сказал Том-Том Кери и вылез из машины. Мы с Джеком последовали за ним. Кери снял пальто и кинул на сиденье.

- Дом за поворотом, в стороне от дороги, - сказал он нам. Луна, черт бы ее взял! Я рассчитывал на туман.

Я ничего не ответил. Джек тоже. Лицо у парня было бледное и взволнованное.

- Пойдем напрямик, - сказал Кери и направился через дорогу к высокой провололочной изгороди.

Он перелез через изгородь первым, потом Джек, потом... меня остановил звук чего-то двигавшегося по дороге нам навстречу. Двоим за забором я дал знак затихнуть, а сам укрылся под кустом. Приближавшиеся шаги были легкие, быстрые, женские.

В лунном свете перед нами появилась девушка. Девушка лет двадцати с небольшим, ни высокая, ни маленькая, ни худая, ни пухлая. В короткой юбке, в свитере, с непокрытой головой. На ее белом лице, в торопливых движениях был ужас - но и кое-что кроме него: там было больше красоты, чем привык видеть немолодой сыщик.

Когда она заметила в тени очертания автомобиля, она резко остановилась и охнула, едва сдержав крик. Я вышел вперед и сказал:

- Здравствуйте, Нэнси Риган.

На этот раз она не сдержала крика. А потом, если лунный свет не обманывал мои глаза, она меня узнала, и ужас стал уходить с ее лица. Она протянула ко мне обе руки, и в этом жесте было облегчение.

- Ну? - Медвежье рычание исходило от человека-валуна, возникшего из темноты у нее за спиной. - В чем дело?

- Здравствуй, Энди, - сказал я валуну.

- Здравствуй, - эхом откликнулся Макэлрой и застыл.

- Энди всегда делал то, что ему велели делать. Ему велели охранять мисс Ньюхолл. Я посмотрел на девушку, потом снова на него.

- Это - мисс Ньюхолл? - спросил я.

- Она, - проорчал он. - Я приехал, как вы велели, а она говорит, что я ей не нужен и не пустила меня в дом.

Но о том, чтобы возвращаться, вы не говорили. Я расположился во дворе, болтался тут, поглядывал, что и как. Потом увидел, что она вылезла через окно, и пошел следом - вы же велели за ней присматривать.

Том-Том Кери и Джек Конихан вернулись на дорогу, подошли к нам. У смуглого человека в руке был автоматический пистолет. Глаза девушки были прикованы к моим. На остальных она не обращала внимания.

- Что происходит? - спросил я ее.

- Не знаю, - пролепетала она, стоя ко мне вплотную и держась обеими руками за мою руку. - Да, я Анна Ньюхолл. Не знаю. Я думала, это просто забава. А когда поняла, что нет, уже не могла от них избавиться.

Том-Том Кери буркнул и нетерпеливо завопил. Джек Конихан пристально смотрел в сторону дороги. Энди Макэлрой стоял равнодушно, дожидаясь, что ему прикажут делать дальше. Девушка ни разу не перевела взгляда с меня на кого-нибудь из них.

- Как вы с ними связались? - спросил я. - Быстро говорите.

Я велел девушке говорить быстро. И она говорила. Двадцать минут она стояла передо мной и сыпала словами, останавливалась только тогда, когда я ее перебивал, чтобы вернуть рассказ в нужное русло. Он был путанный, местами почти нечленораздельный, не всегда правдоподобный, но на протяжении всей ее речи меня не оставляло чувство, что она пытается сказать правду - почти везде.

И ни на секунду она не сводила с меня глаз. Будто боялась посмотреть куда-нибудь еще.

Два месяца назад поздно ночью эта дочка миллионера в компании еще трех молодых людей возвращались домой после какого-то светского развлечения на побережье. Кто-то предложил остановиться в придорожном ресторанчике, где обычно собиралась опасная публика. Опасность, конечно, и привлекла их - для них она была более или менее в новинку. Той ночью они насладились ею сполна: не просидев и десяти минут в притоне и не успев даже ничего понять, они были втянуты в драку.

Кавалер осрамился перед девушкой, показав себя не в меру трусливым. Он позволил Рыжему О'Лири уложить себя на колени и отшлепать и ничего после этого не сделал. Другой молодой человек вел себя не намного храбрее. Девушка, уязвленная их малодушием, подошла к рыжему великану, который разгромил ее кавалеров, и сказала ему

во всеуслышание: "Не будете ли так добры подвезти меня домой?"

О'Лири с радостью согласился. Она рассталась с ним за квартал или два от своего городского дома. Сказала ему, что ее зовут Нэнси Риган. Возможно, он не совсем ей поверил, но никаких вопросов никогда ей не задавал, о делах ее разузнать не пытался. Несмотря на разницу в общественном положении, у них завязалась настоящая дружба. Он был бесподобный хулиган и поэтому представлялся ей фигурой романтической. Он влюбился в девушку, знал, что ему до нее - как до луны, и она легко справлялась с ним, пока речь шла об их отношениях.

Они часто встречались. Он водил ее по всем притонам в районе залива, знакомил с медвежатниками, бандитами, аферистами, рассказывал немыслимые истории из преступной жизни. Она знала, что он вор, знала, что он участвовал в ограблении Национального банка и "Золотых ворот". Но все это представлялось ей каким-то театром. Не тем, чем было на самом деле.

Глаза у нее открылись в тот вечер, когда у Лероя на Рыжего напали налетчики: она поняла, что Рыжий помог Пападопулосу и остальным обмануть сообщников. Но - поздно, выпутаться она не могла. Когда я продырявил ее кавалера, она вместе с ним угодила в берлогу Пападопулоса. Там она увидела, что собой представляют эти романтические разбойники, с кем она связалась.

К тому времени, когда Пападопулос улизнул вместе с ней, она уже вполне проснулась, прозрела, закрыла этот опасный романчик с уголовным миром. Так она думала. Она в самом деле думала, что Пападопулос запуганный старичок, раб Флоры, безобидный старый недотепа, и чуть ли не одной ногой в могиле, и никакого зла от него быть не может. Он скулил и был насмерть испуган. Он умолял девушку не покидать его в беде, со слезами на морщинистых щеках просил спрятать его от Флоры. Она увезла его в свой загородный дом и позволила возиться в саду, вдали от любопытных глаз. Она и не подозревала, что он с самого начала знал, кто она такая, и навел ее на мысль об этом убежище.

Она продолжала верить в его невиновность даже тогда, когда в газетах написали, что это он был командиром армии налетчиков, когда за его поимку назначили вознаграждение в 106 тысяч долларов. Он ее убедил, что Флора и Рыжий просто все свалили на него, чтобы

отделаться более легким приговором. Напуганный суетливый старичок - как ему не поверить?

Потом ее отец погиб в Мексике, горе заставило ее забыть почти обо всем остальном - до нынешнего дня, когда в доме появилась Большая Флора с какой-то девушкой, по всей видимости с Анжелой Грейс Кардиган. Флору она боялась смертельно еще в их первую встречу. Теперь испугалась еще больше. Вскоре она поняла, что Пападопулос не раб Флоры, а хозяин. Она увидела старого коршуна в натуральном обличии. Но на этом ее прозрение не закончилось.

Анжела Грейс неожиданно попыталась убить Пападопулоса. Флора ее одолела. Озлобленная Грейс сказала им, что она подруга Пэдди. А потом крикнула Анне Ньюхолл: "А ты, дура чертова, не знаешь, что они убили твоего отца? Не знаешь?.."

Большая Флора схватила Анжелу за горло и не дала договорить. Она связала Анжелу и повернулась к Анне.

- Ты влипла, - грубо сказала она. - Ты увязла по уши. От нас тебе хода нет - только знаешь куда. Вот такие дела, моя милая. Если нас со стариком возьмут, обоим петля. И ты покачаешься вместе с нами. Я уж постараюсь. Делай что тебе велят, и мы вылезем. Начнешь дурака валять - я с тебя шукуру спущу.

После этого девушка мало что запомнила. У нее сохранилось смутное воспоминание о том, как подошла к двери и сказала Энди, что не нуждается в его услугах. Сделала она это механически, даже без понуканий большой блондинки, стоявшей у нее за спиной. Позже, все в том же страшном помрачении, она вылезла в окно своей спальни, спустилась по увитой виноградом стене террасы и побежала прочь от дома, по дороге, неизвестно куда, лишь бы скрыться.

Вот что я узнал от девушки. Она не все это рассказала. Словами она рассказала только большую часть. Я дорисовал недостающее, сопоставив ее слова, ее интонации, выражение лица с тем, что я уже сам знал и о чем мог догадаться.

И ни разу на протяжении всего разговора ее глаза не оторвались от моих. Она ни разу не показала, что замечает присутствие других людей, стоящих тут же на дороге. Она смотрела мне в лицо с отчаянным упорством, словно боялась не смотреть, и руки ее цеплялись за мои так, будто если бы она меня отпустила, то провалилась бы сквозь землю.

- Что с вашими слугами? - спросил я.
- Их здесь больше нет.
- Пападопулос уговорил отделаться от них?
- Да... несколько дней назад.
- Значит, кроме Пападопулоса, Флоры и Анжелы

Грейс никого в доме нет?

- Да.
- Они знают, что вы сбежали?
- Не знаю. Вряд ли. Я довольно долго сидела у себя в комнате. По-моему, они решили, что теперь я буду послушной и сама ничего не осмелюсь сделать.

Меня раздражало, что я гляжу в глаза девушке так же неотрывно, как она на меня, а когда пытаюсь отвести взгляд, мне это дается с трудом. Я оторвал от нее взгляд, отнял у нее свои руки.

- Остальное можете рассказать мне позже, - проворчал я и отвернулся, чтобы дать указания Энди Макэлрою. - Оставайся здесь с мисс Ньюхолл, пока мы не вернемся из ее дома. Устраивайтесь в машине поудобнее.

Девушка взяла меня за локоть.

- А меня?.. Вы меня?..

- Мы сдадим вас в полицию, да, - пообещал я.

- Нет! Нет!

- Не будьте ребенком, я вас умоляю. Вы не можете разгуливать с шайкой головорезов, впутываться в разные преступления, а потом, когда споткнулись, сказать. "Извините, пожалуйста" - и идти на все четыре стороны. Расскажите всю историю в суде, включая то, что мне не рассказали, - возможно, васпустят. Но убей меня бог, если я знаю, как вам избежать ареста. Пошли, - сказал я Джеку и Тому-Тому Кери. - Надо шевелиться, если хотим застать людей дома.

Подойдя к изгороди, я оглянулся и увидел, что Энди посадил девушку в машину и сам влезает за ней.

- Минутку, - сказал я Джеку и Кери, которые уже двинулись через поле к дому.

- Придумал, как еще убить время, - проворчал смуглый человек.

Я опять пересек дорогу, подошел к машине, тихо и быстро заговорил с Энди:

- Где-то поблизости должны болтаться Дик Фоули и Мики Линехан. Как только мы скроемся, отыщи их. Передай мисс Ньюхолл Дику. Скажи, чтобы взял ее с собой и дул отсюда к телефону - пусть поднимает шерифа. Скажи Дику, чтобы сдал девушку шерифу, а тот держал ее до

приезда сан-францисской полиции. Скажи ему, чтобы больше никому девушку не отдавал - даже мне. Понял?

- Понял.

- Хорошо. Когда объяснишь ему это и сдашь девушку, бери Мики Линехана и как можно скорее к дому Ньюхолла. Думаю, нам понадобятся все, кого можем собрать, - и понадобятся немедленно.

- Понял вас, - сказал Энди.

- Что вы там затеяли? - подозрительно спросил Том-Том Кери, когда я подошел к нему и Джеку.

- Сыщицкие дела.

- Надо было мне одному сюда приехать и проверить дело без помощников, - проворчал он. - С тех пор как мы отправились, вы только время теряете и больше ни черта.

- Сейчас не я его теряю.

Он фыркнул и пошел по полю дальше, а мы с Джеком за ним. На краю поля нам пришлось перелезть через еще одну проволочную изгородь. Потом мы одолели небольшой лесистый бугор, и перед нами возник дом Ньюхолла - большой белый дом, поблескивавший под луной, с желтыми прямоугольными завешенных окон, где горел свет. Освещенные комнаты были на первом этаже. На верхнем свет не горел. Кругом было тихо.

- Черт бы взял эту луну! - повторил Том-Том Кери и вынул из кармана еще один автоматический пистолет, так что теперь их оказалось два: один в правой руке, другой - в левой.

Джек стал вытаскивать свой, поглядел на меня, увидел, что я не вынимаю, и опустил его обратно в карман.

Лицо Тома-Тома Кери стало темной каменной маской - глаза-щели, рот-щель, - угрюмая маска охотника за людьми, убийцы. Он дышал тихо, его широкая грудь вздымалась едва-едва. Рядом с ним Джек Конихан казался взволнованным школьником. Лицо у него было меловое, глаза расширились до неузнаваемости, и дышал он как автомобильный насос. Но улыбка на лице Джека, при всей ее нервности, была натуральной.

- Мы подберемся к дому с этой стороны, - шепнул я. - Потом один заходит сзади, другой - спереди, а третий ждет и смотрит, где он понадобится больше. Так?

- Так, - согласился смуглый человек.

- Постойте! - встрепнулся Джек. - Девушка спустилась по винограду из верхнего окна. А что, если я поднимусь

таким же манером? Я легче вас обоих. Если ее не хватились, окно еще открыто. Дайте мне десять минут, я отыщу окно, взберусь туда и займу позицию. Когда вы нападете, я буду у них в тылу. Ну как? - Он ждал аплодисментов.

- А если тебя схватят, как только ты взберешься? - возразил я.

- Ну схватят. Я подниму такой шум, что вы услышите. Пока со мной возьмется, вы - карьером в атаку. Ничем не хуже.

- На кой пес? - рявкнул Том-Том Кери. - Какая выгода? Лучше, как сперва условились. Один - к парадной двери, другой - к черной, вышибаем, и пиф-паф.

- Если его план удастся, это лучше, - высказался я. - Хочешь в пекло, Джек, - я тебе не мешаю. Хочешь показать свое геройство - буду только рад.

- Нет! - прорывал смуглый человек. - Так не пойдет!

- Пойдет, - возразил я ему. - Попробуем. Джек, рассчитывай на двадцать минут. Лишнего времени все равно не останется.

Джек посмотрел на свои часы, я на свои, и он повернул к дому.

Том-Том Кери, мрачно нахмурясь, загородил ему дорогу. Я выругался и встал между парнем и смуглым человеком. Джек прошел у меня за спиной и заторопился прочь, через слишком светлую лужайку, отделявшую нас от дома.

- Меньше пены, - посоветовал я Кери. - В нашей игре много подробностей, о которых вы не знаете.

- Чересчур много, - проворчал он, но Джека задерживать не стал.

С нашей стороны на втором этаже открытого окна не было. Джек обогнул дом и скрылся из виду.

За спиной у нас послышался шорох. Мы с Кери обернулись одновременно. Пистолеты его поднялись. Я протянул руку и отжал их вниз.

- Только без родимчиков, - предупредил я. - Это еще одна подробность, про которую вы не знаете.

Шорох прекратился.

- Можно, - тихо сказал я в ту сторону.

Из-под деревьев вышли Мики Линехан и Энди Макэлрой.

Том-Том Кери придвинул лицо так близко к моему, что оцарапал бы меня, если бы забыл сегодня побриться.

- Облапошить меня хотел?...

- Спокойно! Спокойно! В ваши-то годы! - с укоризной сказал я. - Ребятам не нужна премия.

- Нечего тут вашей коdle делать, - проворчал он. - Нам...

- Нам понадобятся все люди, какие есть под рукой, - перебил я, взглянув на свои часы. Я сказал обоим агентам: - Сейчас идем к дому. Вчетвером мы справимся. Приметы Пападопулоса, Большой Флоры и Анжелы Грейс вы знаете. Они в доме. И не зевайте там: Флора и Пападопулос - это динамит. Джек Конихан сейчас пробует забраться в дом. Вы двое держите черный ход. Кери и я пойдем с парадного. Игру начинаем мы. Вы следите, чтобы никто не ускользнул. Шагом марш!

Мы со смуглым человеком направились к веранде - широкой веранде, увитой с одного боку виноградом, на который падал изнутри через высокие, от полу, окна с занавесями желтый свет.

Едва мы сделали первые шаги по веранде, как одно из этих высоких окон шевельнулось - раскрылось.

Первое, что я увидел, - спина Джека Конихана.

Он открывал створку ногой и рукой, не поворачивая головы.

За ним - лицом к нему, в другом конце ярко освещенной комнаты - стояли мужчина и женщина. Мужчина - старый, маленький, тощий, морщинистый, испуганно-жалкий - Пападопулос. Я увидел, что он сбрил свои лохматые седые усы. Женщина была высокая, с сильным телом, розовой кожей, желтоволосая сорокалетняя великанша с ясными серыми глубоко посаженными глазами и красивым свирепым лицом - Большая Флора Брейс. Они стояли очень тихо, бок о бок, глядя в дуло пистолета, который был в руке у Джека Конихана.

Пока я стоял перед окном, наблюдая эту сцену, Том-Том Кери, подняв оба пистолета шагнул мимо меня в высокое окно и встал рядом с парнем. Я не вошел за ним в комнату.

Взгляд испуганных карих глаз Пападопулоса перескочил на лицо смуглого человека. Серые глаза Флоры повернулись туда же неторопливо, а потом посмотрели мимо него на меня.

- Всем стоять! - приказал я и отошел от окна, на ту сторону террасы, где виноград рос реже.

Просунув голову сквозь виноград, так что лицо мое осветила луна, я посмотрел вдоль боковой стены дома. Тень в тени гаража могла быть человеком. Я вытянул руку в

лунном свете и поманил. Тень приблизилась - Мики Линехан. Энди Макэлрой высунул голову из-за заднего угла. Я снова поманил, и он подошел вслед за Мики.

Я вернулся к открытому окну.

Пападопулос и Флора - заяц и львица - стояли, глядя на пистолеты Джека и Кери. Когда я появился, они снова посмотрели на меня, и полные губы женщины изогнулись в улыбке.

Мики и Энди подошли и встали рядом со мной. Улыбка женщины угрюмо потухла.

- Кери, - сказал я, - вы с Джеком стойте на месте.

Мики, Энди, идите в комнату и примите господни дары.

Когда оба агента вошли в окно, сцена оживилась.

Пападопулос закричал.

Большая Флора бросилась на него, толкнула его к черному ходу.

- Беги! Беги! - крикнула она.

Спотыкаясь, он бросился в дальний конец комнаты.

У Флоры в руках вдруг возникли два пистолета. Ее большое тело, казалось, заполняет комнату, словно одним только усилием воли она превратилась в исполина. Она бросилась вперед, прямо на пистолеты Джека и Кери, заслонив от их пуль черный ход и убежавшего старика.

Сбоку мелькнуло неясное пятно - Энди Макэлрой сорвался с места.

Я схватил руку Джека, державшую пистолет.

- Не стреляй, - прошептал я ему на ухо.

Пистолеты Флоры грохнули одновременно. Но она падала. Энди врезался в нее. Кинулся ей в ноги, как будто ей под ноги вкатили валун.

Когда Флора упала, Том-Том Кери перестал ждать.

Его первая пуля прошла так близко к ней, что срезала ее кудрявые желтые волосы. Но прошла мимо: настигла Пападопулосу, как раз когда он выходил в дверь. Пуля попала ему в поясницу - размазала его по полу.

Кери выстрелил еще раз... еще... еще - в лежащее тело.

- Напрасный труд, - проворчал я. - Мертвее он не станет.

Он усмехнулся и опустил пистолеты.

- Четыре за сто шесть. - Всея его угрюмости, плохого настроения как не бывало. - За каждую пулю я выручил по двадцать шесть тысяч пятьсот долларов.

Энди и Мики уже скрутили Флору и тащили по полу.

Я перевел взгляд с них на смуглого человека и тихо сказал:

- Это еще не все.

- Не все? - Он как будто удивился. - А что еще?

- Не зевайте и слушайте, что вам будет подсказывать совесть, - ответил я и повернулся к молодому Конихану. - Пойдем, Джек.

Я вышел через окно на террасу и прислонился там к перилам. Джек вышел следом и остановился передо мной, все еще с пистолетом в руке: лицо у него было усталое и бледное от нервного напряжения. Глядя мимо него, я мог наблюдать за тем, что происходит в комнате. Флора сидела между Энди и Мики на диване. Кери стоял сбоку, с любопытством посматривая на нас с Джеком. Мы стояли в полосе света, падавшего через открытое окно. Мы видели комнату - вернее, я, потому что Джек стоял к ней спиной, - из комнаты видели нас, но разговор слышать не могли, если только мы нарочно не заговорим громко.

Все было так, как я задумал.

- А теперь рассказывай, - велел я Джеку.

- Ну, я нашел открытое окно, - начал он.

- Эту часть я знаю, - перебил я. - Ты влез и сказал своим друзьям - Пападопулосу и Флоре, - что девушка сбежала и что идем мы с Кери. Ты посоветовал им сделать вид, будто ты их захватил в одиночку. Так вы заманите нас с Кери внутрь. Ты, как бы свой, - у нас в тылу, и втроем вы нас захватите легко. После этого ты выйдешь на дорогу и скажешь Энди, что я зову его с девушкой. План был хороший - только ты не знал, что в рукаве у меня припрятаны Дик и Мики, не знал, что я не позволю тебе зайти ко мне за спину. Но я не об этом спрашиваю. Я спрашиваю, почему ты нас продал и что, по-твоему, теперь с тобой будет?

- Вы с ума сошли? - На его молодом лице была растерянность, в молодых глазах - ужас. - Или это какой-то?..

- Конечно, с ума сошел, - признался я. - Иначе бы разве позволил тебе заманить себя в западню в Сосалито? Но не настолько сошел с ума, чтобы и задним числом в этом не разобраться. И не заметить, что Анна Ньюхолл боится посмотреть на тебя. Не настолько сошел с ума, чтобы поверить, будто ты один захватил Пападопулосу и Флору против их желания. Я сошел с ума, но не окончательно.

Джек рассмеялся - беззаботным молодым смехом, только чересчур пронзительно. Глаза его не смеялись вместе с губами и голосом. Пока он смеялся, глаза переходили с меня на пистолет в его руке и обратно на меня.

- Говори, Джек, - хрипло попросил я, положив руку ему на плечо. - Скажи, ради бога, зачем ты так поступил?

Парень закрыл глаза, сглотнул и вздернул плечи. Когда его глаза открылись, они блстели, и во взгляде была твердость и бесшабашное веселье.

- Самое плохое в этом, - сказал он грубо, убрав плечо из-под моей руки, - что я оказался неважным вором, верно? Мне не удалось вас обвести.

Я ничего не ответил.

- Пожалуй, вы заслужили право выслушать мой рассказ, продолжал он после короткой заминки. Говорил он с нарочитой монотонностью, словно избегая всякой интонации и нажима, которые могли бы выдать его чувства. Он был слишком молод, чтобы говорить естественно. - Я встретился с Анной Ньюхолл три недели назад, у себя дома. Когда-то она училась с моими сестрами в одной школе, но в ту пору мы знакомы не были. А тут, конечно, сразу узнали друг друга: я знал, что она - Нэнси Риган, она знала, что я агент из "Континентала".

Мы ушли вдвоем и все обсудили. Потом она отвела меня к Пападопулосу. Мне понравился старикан, и я ему понравился. Он объяснил мне, как мы сможем раздобыть неслыханное богатство. Вот вам и все. Перспектива такого богатства заставила меня забыть о совести. О Кери я сказал ему, как только узнал от вас, а вас, вы совершенно правы, заманил в западню. Он решил, что будет лучше, если вы перестанете докучать нам до того, как обнаружите связь между Ньюхоллом и Пападопулосом.

После этой неудачи он хотел, чтобы я попробовал еще раз, но я решил, что с меня провалов хватит. Нет ничего глупее, чем неудачное покушение. Анна Ньюхолл не виновата ни в чем, кроме безрассудства. По-моему, она даже не подозревает о моем участии в грязных делишках - за исключением того, что я не пожелал способствовать их аресту. Вот, дорогой мой Шерлок, и вся почти исповедь.

Я слушал рассказ парня, всем своим видом стараясь выражать сочувственное внимание. Теперь я нахмурился и заговорил с укоризной, но все еще дружелюбно:

- Кончай дурака валять! Купился ты вовсе не на деньги, которые посулил Пападопулос. Та встретился с девушкой, и у тебя не хватило характера сдать ее полиции.

Но ты даже себе в этом не признался - из-за тщеславия, из-за гордости, ведь тебе хотелось считать себя крутым парнем. Таким, которого ничем не прошибешь. И Пападопулос раскрутил тебя в два счета. Он назначил тебя на роль, которую ты хотел играть перед собой, - бандита-джентльмена, стратега, учтивого, отчаянного злодея и всякую такую романтическую ерунду. Вот на что ты пошел, сынок. Ты не только спасал ее от каталажки, ты пошел гораздо дальше - и все для того лишь, чтобы показать свету, а главное себе самому, что действуешь так не из сентиментальности, а из дерзкого своеволия. И вот к чему ты пришел. Погляди на себя.

Не знаю, каким он себя увидел - таким же, как я его, или по-другому, - но лицо его медленно покраснело, и он не желал глядеть мне в глаза. Он глядел мимо меня вдаль, на дорогу.

Я смотрел в освещенную комнату у него за спиной. Том-Том Кери перешел на середину и стоял, наблюдая за нами. Я дернул углом рта - предупредил его.

- Ну хорошо, - снова начал Джек, но не знал, что сказать дальше. Он шаркал ногами и не смотрел мне в лицо.

Я выпрямился и отбросил все свое притворное сочувствие.

- Отдай мне пистолет, ты, шкура! - рявкнул я ему.

Он отпрянул, словно его ударили. Лицо его искажилось от бешенства. Он поднял пистолет - направил мне в грудь.

Том-Том Кери увидел, что пистолет поднялся. Смуглый человек выстрелил дважды. Джек Конихан свалился мертвым к моим ногам.

Мики Линехан выстрелил один раз. Кери упал на пол, из виска его полилась кровь.

Я перешагнул через тело Джека, вошел в комнату, опустился на колени возле смуглого человека. Он скорчился, хотел что-то сказать, но так и не смог - умер. Я подождал, пока разгладится мое лицо, и только тогда поднялся.

Большая Флора вглядывалась в меня, прищулив серые глаза. Я встретил ее взгляд.

- Я еще не совсем понимаю, - медленно сказала она, - но если вы...

- Где Анжела Грейс? - перебил я.

- Привязана к кухонному столу, - сообщила она мне и продолжала размышлять вслух: - Вы устроили так, что...

- Ага, - кисло откликнулся я, - я Пападопулос номер два.

Ее крупное тело вдруг задрожало. Красивое свирепое лицо потемнело от боли. Из глаз выкатились две слезинки.

Будь я проклят, если она не любила старого мерзавца!

В город я вернулся в девятом часу утра. Позавтракал, потом отправился в агентство и застал Старика за разбором утренней почты.

- Все кончено, - сказал я ему. - Пападопулос узнал, что Ненси Риган - наследница Тейлора Ньюхолла. Когда банковское дело провалилось и ему понадобилось убежище, он устроил так, что она спрятала его в загородном доме Ньюхолла. Держал он ее на двух крючках. Она жалела его как бестолкового и забитого старика, а, кроме того, после налетов сама стала - пускай невольной - соучастницей.

Вскоре папа Ньюхолл отправился по делам в Мексику. Пападопулос сообразил, как можно заработать. Если Ньюхолла убьют, дочка получает миллионы, и старый вор знал, что может их отобрать. Он послал за границу Барроуз нанять мексиканских бандитов для убийства. Барроуз все сделал, но проболтался. Сказал своей дамочке в Ногалесе, что должен вернуться "во Фриско и получить со старого грека хорошие день-ги", а потом приедет сюда и купит ей все на свете. Дамочка передала это Тому-Тому Кери. Кери смекнул, что к чему. И явился сюда за Барроузом. Утром он навестил Барроуза, чтобы выяснить, Пападопулос ли этот "старый грек" и где его найти: Анжела Грейс присутствовала при выяснении. Барроуз был под морфием и никаких резонов слушать не желал. Тогда смуглый человек стал урезонивать его ножом, но Барроуз так накачался наркотиком, что даже это не производило впечатления, и боль он почувствовал только тогда, когда смуглый человек уже сильно его обстрегал. Анжелу Грейс эта картина привела в ужас. Сперва она попробовала остановить Кери, потом просто ушла. А когда прочла в вечерних газетах, какое изделие вышло из рук Кери, попыталась покончить с собой - больше не могла выносить видения, стоявшее у нее перед глазами.

Кери вытянул из Барроуза все, что он знал, но Барроуз не знал, где прячется Пападопулос. Пападопулос услышал о приезде Кери - как именно услышал, вам известно. Он послал Арли убить Кери. Кери легко уходил от парикмахера - покуда не заподозрил, что Пападопулос может прятаться в доме Ньюхолла. Он поехал туда, позволив парикмахеру сесть ему на хвост. Как только Арли понял,

куда направляется Том Том Кери, он решил помешать ему во что бы то ни стало и начал его нагонять. Кери только этого и ждал. Он застрелил Арли, вернулся в город и позвал меня с собой, чтобы поставить точку в этом деле.

Тем временем Анжела Грейс подружилась в камере с Большой Флорой. Она знала Флору, а Флора ее не знала. Пападопулос организовал Флоре побег. Двоим всегда легче бежать, чем одному. Флора взяла с собой Анжелу, привезла к Пападопулосу. Анжела бросилась на него, но Флора сбила ее с ног.

Флора, Анжела Грейс и Анна Ньюхолл, она же Нэнси Риган, в окружной тюрьме, - закончил я. - Пападопулос, Том-Том Кери и Джек Конихан убиты.

Я замолчал и раскурил сигарету - не торопясь, внимательно разглядывая и сигарету и спичку по ходу дела. Старик взял со стола письмо, опустил не прочтя, взял другое.

- Они убиты во время задержания? - В его мягком голосе не слышалось ничего, кроме обычной беспредельной вежливости.

- Да. Кери убил Пападопулоса. Чуть позже он застрелил Джека. Мики, ничего не зная... видя только, что смуглый человек стреляет в Джека и в меня - мы стояли друг против друга и разговаривали, - выстрелил в Кери и убил его. - Слова скручивались у меня на языке, не желали складываться как положено. - Ни Мики, ни Энди не знают, что Джек... Никому, кроме вам и меня, не известно, в чем было... чем занимался Джек. Флоре Брейс и Анне Ньюхолл это известно, но если мы скажем, что он все время действовал по приказу, опровергнуть нас никто не сможет.

Старик кивнул и улыбнулся улыбкой доброго дедушки, но в первый раз за много лет я его понял - понял, о чем он думает. Он думал, что если бы Джек вышел из этого дела живым, мы оказались бы перед паршивым выбором: отпустить его на все четыре стороны или испортить физиономию агентству, признав во всеуслышание, что один из наших агентов - уголовник.

Я бросил сигару и встал. Старик тоже встал и протянул мне руку.

- Благодарю вас, - сказал он.

Я пожал ему руку, и я понял его, но исповедоваться мне было не в чем - даже молча.

- Так получилось, - медленно сказал я. - Я разыграл карты так, чтобы извлечь выгоду из обстоятельств... но так уж получилось.

Он кивнул с благосклонной улыбкой.

- Недельки две отдохну, - сказал я уже от двери. Я чувствовал себя усталым.

Содержание

1. Большой налет.....3
2. 106 тысяч за голову.....51

Полицейские и воры Дэшила Хэммета

Минуло уже пятьдесят пять лет, как Дэшил Хэммет опубликовал свой детективный роман "Худой человек", не зная, что ставит точку в своей короткой, но блестящей писательской карьере. Все эти годы популярность Хэммета у "просто читателей" была весьма высока, но "читатели профессиональные" - критики и литературоведы - не проявляли интереса к его творчеству. Зато в 80-е годы наступил перелом: только в США успело выйти четыре обстоятельных исследования о нем.

Такой монографический взрыв вполне закономерен. Хэммет не просто классик детективного жанра, но основоположник той его разновидности, что именуется "крутым", или "жестоким" детективом. И жизнь он прожил колоритную, вполне способную стать сюжетом для приключенческого романа. Перепробовав множество профессий, он в 1915 году поступил на работу в агентство Пинкертон, старейшее частное детективное ведомство в США. Начав пробовать себя в литературе, он быстро осваивается в жанре детектива. Затем в зените славы перестает писать. С середины 30-х он становится популярной фигурой среди голливудской элиты, украшением вечеринок и пикников, где собирается цвет американской кинематографии. В конце 30-х Хэммет начинает проявлять интерес к общественной жизни Америки, выступает в поддержку республиканской Испании, редактирует журнал левой ориентации, в 1940 году возглавляет организацию "Конгресс за гражданские права", сближается с коммунистами и попадает под надзор ФБР, который прекращает лишь его смерть.

В начале 50-х он оказывается в фокусе внимания Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Лилиан Хеллман, в течении многих лет бывшая его верным другом и спутником, так вспоминает об этом: "В 1951 году он попал в тюрьму, поскольку вместе с двумя другими попечителями фонда "Конгресса за гражданские права" отказался назвать имена тех, кто вносил в фонд средства. Хэммет, впрочем, не знал фамилий жертвователей. Вечером накануне дня, когда он должен был предстать перед судом, я спросила его: "Почему ты не скажешь, что тебе не известны фамилии?" - "Я не могу этого сделать", - отвечал он. - "Почему?" - "Сам не знаю". После напряженной паузы он произнес: "...Мне очень неприятен этот разговор, но все-таки я скажу так: даже если бы мне угрожала не тюрьма, а смерть, я бы принял ее

во имя того, что я считаю демократией. И я не позволю, чтобы полицейские или судебные чиновники учили меня демократии". Он пошел домой, лег спать, а на следующий день отправился в тюрьму".

Но это будет гораздо позже, а в 20-е годы Хэммет молод, беден и никому не известен. Чтобы как-то заработать на жизнь, он пробует писать. Детективный опыт приходится кстати. В 1923 году он публикует свой первый рассказ о преступлении.

Хэммета не удовлетворял классический детектив, живописавший победы Великого Сыщика в мире, который "не оставляет шрамов", где читателя вконец запутывают бесконечными уликами, а хитроумное фабульное здание сооружается ради нескольких эффектных страниц финала. Стараниями Хэммета в жанр ворвалась злободневность, которой раньше не находилось места на страницах детективов.

Неудивительно, что новый канон романа о преступлении - "крутой детектив" - сложился именно в США, где насилие, как говорят сами американцы, "привычно, как яблочный пирог". Введение в стране "сухого закона" не уничтожило пьянства, но зато дало мощный импульс развитию организованной преступности. В основе "типично американского преступления" не было никаких личных мотивов, которые, по утверждениям теоретиков жанра, составляли основу истинного детектива. Действовал лишь мотив выгоды. "Меня называют гангстером, - говорил печально знаменитый Эл (Аль) Капоне, - я же считаю себя бизнесменом. Когда я продаю моим клиентам спиртное, это считается спекуляцией. Когда же они подают его гостям на серебряном подносе в своих особняках, это у них называется гостеприимством". В борьбе за "рынки сбыта" Капоне содержал армию в 700 с лишним человек. В 1925 году он по сути дела полностью контролировал Цицero, один из пригородов Чикаго. За свою долгую карьеру бизнесмена нового образца он приложил руку к уничтожению 400 с лишним "конкурентов" и их подручных. На похоронах Диона О'Бэнниона, главного конкурента Капоне, побывало до 20 000 человек, среди которых были и "отцы города" - судьи, члены муниципального совета и т.д. Две дюжины грузовиков везли венки. Среди них был венок с краткой запиской: "От Эла". Выполняя приказ шефа, люди Капоне застрелили О'Бэнниона в его цветочном магазине.

Погружая читателя в мир насилия, организованной преступности, подчинявшей себе слабый и продажный закон, Хэммет создавал образ американской современности

как опасной для человека. С Хэмметом в детективную прозу вошла тема утраченных иллюзий, шаткости и неразумности социального порядка. Американская мечта прогрессирующе деградировала, превращаясь в Американскую трагедию. В 20-е годы об этом заговорили в полный голос Драйзер, Фицджеральд, Хемингуэй, Дос Пассос. Об этом же поведал читающей Америке и Хэммет. Столкнув обжигающую злободневность с канонами детективного жанра, он высек искру настоящего искусства.

Цикл рассказов, написанный им в 20-е годы (прежде чем он переключился на сочинение романов), объединяется фигурой расследователя - "оперативника" из вымышленного детективного агентства "Континентал". Великие Сыщики Эдгара По, Конан Дойла, Агаты Кристи - гении интеллекта, всевидящие и всемогущие. "Оперативник" Хэммета - труженик, занимающийся расследованием преступлений не "скуки ради", не из любви к Справедливости, а по необходимости. Именно таким путем зарабатывает он себе на жизнь. Сам писатель так высказался о персонаже, который верой и правдой послужил ему в двух с лишним десятках рассказов и двух романах, а затем ушел в почетную отставку, уступив место другим героям: "Я вижу его как маленького человека, который изо дня в день бредет через кровь, и грязь, и смерть, и обман к неясной цели, проявляя ровно столько грубости, черствости и цинизма, сколько того требуют обстоятельства, и не имея для достижения этой цели никаких других мотивов, кроме того, что его наняли для ее достижения".

Таким предстает он и в повести-дилогии "Большой налет" и "106 тысяч за голову", составляющей своеобразный центр "саги об оперативнике", этом первом антигерое детективного жанра (по первой части ее - "Большой налет" и названа ставшая теперь классической антология малой прозы Хэммета, составленная Лилиан Хеллман).

Выпуская на оперативный простор своего анонимного персонажа, Хэммет последовательно разрушает прежний романтический образ Великого Сыщика, аристократа, интеллектуала и чудака, оставшегося в то же время верным агентом общества по наведению порядка. Разрушает, чтобы создать тип, рожденный новыми социальными обстоятельствами.

Гангстерские перестрелки на улицах Лос-Анджелеса и Чикаго были как бы олицетворением той скрытой гражданской войны, что не первый год велась в американском

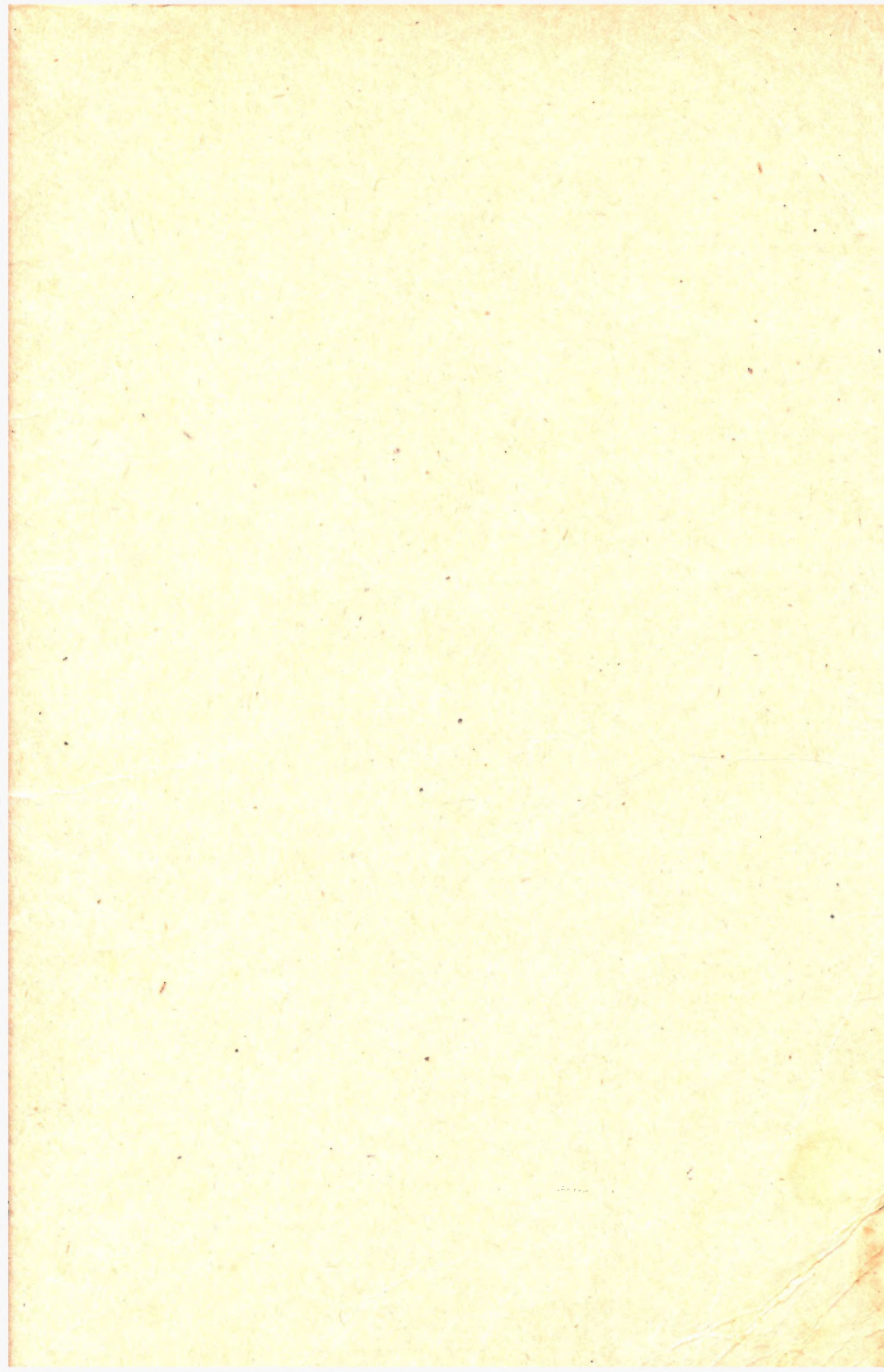
обществе. Былое единство и относительная социальная однородность нации канули в вечность. Стремление к материальному успеху любой ценой превращало, в глазах Хэммета, делового человека в респектабельного уголовника, стремящегося устранить конкурента всеми доступными способами. Обыкновенный средний американец оказывался как бы между двух огней - преступным низом (гангстеры, бандиты, жулики всех калибров) и не менее преступным верхом (банкиры, магнаты, политики, законники) - теми полюсами, что имели тенденцию к сближению, испытывали друг к другу деловой интерес. В условиях "криминализации" социальной системы, когда лозунги общего блага и "открытых возможностей" оказываются либо ложью либо глупостью, единственно возможный выход, по Хэммету, похоже, заключался в том, чтобы делать свое дело профессионально безупречно, честно, не отступая перед опасностями и не соблазняясь наградами, что сводят с ума окружающих - большими деньгами, иллюзиями власти, мечтами о престиже. Только так в условиях нарастающей несвободы можно испытать моменты свободы, ощутить себя самостоятельной личностью.

"Оперативник" Хэммета, разыскивая бандитов, совершивших дерзкое ограбление банков в "Большом налете", а затем с чудовищным хладнокровием отправивших на тот свет своих же товарищей, формально действует по поручению финансовых магнатов. По сути же дела он сражается один на один со Злом. Он, правда, не рассуждает, в отличие от своих предшественников, о добре и зле, о благе общества и пр. Он вообще не рассуждает о "высоких материях". Но читатель верно воспринимает "зашифрованное" послание автора. Абстрактные понятия, увы, давно утратили свое реальное содержание, стали приманкой для простаков. Надеяться приходится лишь на себя, ибо вокруг, как видно из сюжета повести, обман, двойная игра, жесткий прагматизм. Бандиты и профессиональные убийцы, с одной стороны, а с другой - суровое начальство, которому плевать на все кроме результатов, олицетворением которого выступает анонимный, как и "оперативник", руководитель агентства "Континентал" - Старик, холодный и безжалостный профессионал, способный "плевать ледышками в июле". В классическом детективе Конан Дойла преступник был "паршивой овцой", досадным исключением из правила, а в целом мир был прекрасен, разумен и справедлив. У Хэммета же мир порочен в своей основе, поражен тяжким социальным недугом, и герой-расследователь сам оказы-

вается в положении одиночки. Если он кого и спасает, то разве что самого себя, свое достоинство и честь, ну и давние демократические идеалы, на которых строилась республика за океаном. Колоритная занимательность хемметовской прозы сочетается с ироничной философичностью. За подвигами "оперативника" проглядывает трагический стоицизм героев раннего Хемингуэя, героизм того самого "абсурдного человека", с которым позже познакомит мир Камю.

Мастера детективной прозы обычно отличаются плодотворностью. По сравнению со своими коллегами Хэммет написал просто мало. Он мог бы продолжать изготавливать детективы по отлаженной схеме, зарабатывая деньги и славу. Но это претило его натуре, где профессионализм сосуществовал с артистизмом, но не находилось места бизнесмену.

Сергей Белов

4 р. 20 к.

Дэшил Хэммет

БОЛЬШОЙ
НАЛЁТ

106 ТЫСЯЧ
ЗА ГОЛОВУ

СП «ТАКТ»